

СУДЬБА
И ИСТОРИЯ

ПРЕДАТЕЛЬСТВА

АНАТОМИЯ

АНДРЕЯ
ВЛАСОВА

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ

ГЕНЕРАЛ ИЗ ТРЯСИНЫ

Николай Коняев

**Генерал из трясины. Судьба
и история Андрея Власова.
Анатомия предательства**

«Центрполиграф»

2012

Коняев Н. М.

Генерал из трясины. Судьба и история Андрея Власова. Анатомия предательства / Н. М. Коняев — «Центрполиграф», 2012

Николай Коняев представляет свой взгляд на историю судьбы генерал-лейтенанта Красной армии Андрея Власова, прошедшего путь от любимца Сталина, сделавшего головокружительную военную карьеру, до изменника Родины. Вас ждет рассказ о Великой Отечественной войне и об одном из самых ее трагичных эпизодов – гибели под Ленинградом 2-й Ударной армии. А также о драматичной истории Русской освободительной армии, сформированной из красноармейцев и офицеров, оказавшихся в немецком плену. Это и рассказ о людях, окружавших генерала. В увлекательной форме, на основе документальных материалов, личных писем Власова и записей из дневников участников событий, автор последовательно создает картину минувших дней.

Содержание

Предисловие	5
Генерал из трясины.	8
Часть первая	9
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвертая	23
Глава пятая	26
Глава шестая	37
Глава седьмая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Николай Коняев

Предисловие

Долгое время практически все материалы, связанные с генералом Власовым, были засекречены, а на их месте воздвигался пропагандистский миф о генерале, задумавшем едва ли не с колыбели изменить Родине и ставшем в результате ее злейшим врагом.

За рубежом в это время активно выстраивался другой миф о генерале, который якобы нашел *третий* (против Сталина и Гитлера) путь. Миф этот в силу своей запрещенности обладал в СССР некоторой привлекательностью, хотя и тогда, даже при беглом знакомстве с ним, зиял пустотами и натяжками.

Поэтому-то в 1993 году, когда режиссер Алексей Александрович Салтыков предложил мне написать сценарий фильма про генерала Власова, я не сразу решился взяться за эту работу.

Но Алексей Александрович уже давно готовился к своему фильму. Он передал мне толстенную папку с воспоминаниями бойцов и командиров Второй Ударной армии, с многочисленными архивными документами: донесениями, справками, протоколами допросов, касающимися судьбы генерала Власова. Материал этот был настолько интересным и неожиданным, что отказываться не было больше никакой возможности.

Сценарий мы писали совместно, и, когда работа была завершена, я вернулся в Санкт-Петербург, а через неделю, 10 апреля 1993-го да раздался телефонный звонок.

Звонил Виктор Степанович – директор нашей картины.

– Салтыков умер...

Увы... Алексею Александровичу не удалось снять задуманный им фильм.

Ну, а документы, многие из которых тогда еще не были опубликованы, остались у меня, как и записи разговоров с людьми, знавшими Власова, как и мысли о непростой и такой горестной судьбе русского человека, ставшего изменником Родины.

В результате я написал документальную повесть «Власов до Власова», рассказывающую о судьбе генерала до его пленения. Повесть публиковалась много раз в журналах и сборниках, а потом издательство предложило мне выпустить ее отдельной книгой, дополнив при этом главами о деятельности генерала в немецком плену.

Когда в 2001 году моя книга «Два лица генерала Власова» вышла в свет, я, разумеется, осознавал, что ни темой исторического повествования, ни выбором персонажа истории удивить кого-то на нашем столь насыщенном книжном рынке невозможно, но действительность превзошла все пессимистические ожидания. Почти одновременно с моей вышло еще три книги о генерале Власове...

В одной из них Власов традиционно представлял человеком, с курсантских лет озлобившимся на советскую власть, задумавшим предать и предавшим Родину...

В другой книге генерал был изображен почти идейным борцом со сталинизмом, перешедшим на сторону Гитлера, чтобы освободить Родину от гнета Сталина.

Ну, а автор третьей книги, бывший редактор военно-исторического журнала Виктор Филатов попытался доказать, что Власов был тайным советским агентом, которого сам Сталин и заслал к немцам...

В принципе, тогда можно было стать свидетелем такой сцены...

Человек приходил в магазин и спрашивал книгу о генерале Власове. Продавец уточнял, а про какого Власова хочется приобрести книгу? Про того, который предатель Родины, или про того, который борец со Сталиным? Или, может быть, нужна книга про Власова – тайного агента Сталина?..

Я свою книгу писал строго по документам и документальным свидетельствам, не отбрасывая ничего из того, что по каким-то причинам не нравилось мне, и Власов в моей книге был совершенно непохожим на Власова из книг, появившихся на рынке.

– Про какого же Власова тогда ваша книга? – спросили у меня однажды на встрече с читателями, когда я рассказал историю про бойкого продавца.

– Про того Власова, каким он был на самом деле, – ответил я, и остаюсь при этом мнении и сейчас, когда про мою книгу написано столько хвалебных и разгромных статей и отзывов, что если собрать их вместе, то получится издание, значительно превышающее объемом мой труд.

Потом были переиздания: «Власов. Два лица генерала» и «Власов. Анатомия измены». И каждое из них выходило с соответствующими – я благодарен критикам, указавшим мне на неточности и ошибки предшествовавших изданий! – правками и дополнениями за счет новых материалов, позволявших углубить повествование.

Таково и новое издание.

Благодаря деятельности добросовестных историков за последние годы удалось найти и опубликовать многие новые документы, связанные как с личностью самого генерала Власова, так и с движением, которое принято называть власовским. Для доработки своей книги я использовал как эти материалы, так и те, которые удалось найти самому.

И еще при создании этого варианта книги мне хотелось ответить на вопрос, почему так остро воспринимаются и сейчас, семь десятилетий спустя, те события.

Минувшим летом мне довелось побывать в Донском монастыре в Москве.

Приложился к иконе, помолился у мощей святителя Тихона, потом вышел из храма и долго бродил под дождем по кладбищу, читая дорогие русскому сердцу имена на надгробьях. А.П. Сумароков, М.М. Херасков, В.Ф. Одоевский, В.И. Майков, И.С. Шмелев, И.А. Ильин...

И так хорошо было на этом кладбище, что и дождь не мешал.

А когда уже уходил, вдруг потянуло к двум свежим крестам.

Вот это да!

Это же протопресвитер Александр Киселев, священник РОА, с которым мне довелось беседовать в холодной, какой-то мрачной – рядом с нами за соседним столиком сидела шумная компания молодых чеченцев, из-под курток которых узнаваемо оттопыривалось оружие – жутковатой Москве 1993 года.

Отец Александр не дожил до прошедшего в сентябре 2009 года Архиерейского Синода РПЦЗ, на заседании которого было сказано, что «генерал А.А. Власов был и остается своего рода символом сопротивления безбожному большевизму во имя возрождения Исторической России».

Не увидел отец Александр и того, какую бурю возмущения в самой России вызвало это заявление. Особенно возмутили общественность слова открытого письма Синода РПЦЗ протоиерею Георгию Митрофанову, дескать, «имя православного христианина Андрея Власова вызывает ненависть при неведении исторической реальности в силу тоталитарно-богоборческой пропаганды».

Казалось бы, почти все в этом письме совпадало со словами, сказанными протопресвитером Александром Киселевым, но нет, разница была. Для Александра Киселева генерал Андрей Андреевич Власов стал светом, вспыхнувшим в черноте изгнания, он идеализировал его и самозабвенно, как только может ошибаться молодой человек, ошибался в оценке, но все это было искренним заблуждением настоящего русского патриота.

Нынешние либеральные «исследователи», пытаясь заслонить мифической борьбой Власова со Сталиным измену генерала Родине, пытаются оправдать идею предательства России вообще, и конечно, одной только защитой генерала Власова они не ограничиваются. Тот же протоиерей Георгий Митрофанов прямо назвал «государственным победобесием» все мероприятия, связанные с Днем Победы.

И тут уж не скажешь, что это делается только по наущению заокеанских спецслужб, на деньги, получаемые из зарубежных фондов. Заказ на подобную работу исходит теперь порою и от нынешних хозяев жизни, которые справедливо полагают, что страну, где оправдывается измена Родине, легче разворовывать.

Обратившись к документам, нетрудно увидеть, что и сама идеология власовского движения, которую сейчас пытаются реабилитировать, создавалась не генералом Власовым, а в ведомствах «Вермахт пропаганды» и «Абвера», и она не имела никакого отношения к русскому патриотизму, который исповедовали такие люди, как протоиерей Александр Киселев.

Русский «патриотизм», определяемый идеологией, созданной тогда умелыми врагами России, стал бы для нашей страны страшней любого здешнего тоталитаризма...

Это особенно важно понимать сейчас, об этом – моя книга.

Николай Коняев

Генерал из трясины. Судьба Андрея Андреевича Власова

Августовским утром 1946 года загремели засовы на дверях камер Бутырской тюрьмы. С лязгом поднимались и опускались решетки, блокирующие переходы. Арестованных выводили на тюремный двор.

Последним шел высокий, чуть сутулящийся арестант в круглых очках. Солнечный свет ослепил, и он замедлил шаги, но конвоир подтолкнул его вперед к кирпичной стене, возле которой была сооружена виселица.

Здесь, на невысокой, сколоченной из свежих досок скамеечке, с завязанными за спиной руками, стояли одиннадцать человек. На шеи им уже накинута петля.

Высокого, чуть сутуловатого арестанта провели вдоль этого строя...

Мимо бывшего генерал-майора Василия Федоровича Малышкина...

Мимо бывшего бригадного комиссара Георгия Николаевича Жиленкова...

Мимо бывшего генерал-майора Федора Ивановича Трухина...

Мимо бывшего генерал-майора береговой службы Ивана Алексеевича Благовещенского...

Мимо бывшего генерал-майора Дмитрия Ефимовича Закутного...

Мимо бывшего полковника Виктора Ивановича Мальцева...

Мимо бывшего полковника Сергея Кузьмича Буняченко...

Мимо бывшего полковника Григория Александровича Зверева...

Мимо бывшего полковника Михаила Александровича Меандрова...

Мимо бывшего подполковника Владимира Денисовича Корбукова...

Мимо бывшего подполковника Николая Степановича Шатова...

Их было одиннадцать – бывших соратников по Русской освободительной армии и Комитету освобождения народов России. Двенадцатая петля висела пустая.

Под этой петлей и поднялся на низенькую скамеечку бывший генерал-лейтенант, бывший заместитель командующего Волховским фронтом Андрей Андреевич Власов.

Было ему в этот день сорок пять лет...

Часть первая

Власов до Власова

Управление особых отделов НКВД отношением за № 4/7796 от 07.11.1941 г. сообщило, что компрометирующих материалов на т. Власова не имеется.

Зав. Сектором Управления кадров
ЦК ВКП(б) Фролов. 24.02.42 г.

Сохранились две автобиографии Андрея Андреевича Власова.

Одна – казенная, написанная еще до войны для служебных надобностей. Она так и озаглавлена: «Автобиография на комбрига Власова Андрея Андреевича».

Другая – «художественная». Это – открытое письмо, составленное в немецком плену, озаглавленное длинновато, но зато очень определенно: «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». При всей пропагандистской направленности «открытого письма» его можно считать «мемуарами» генерала Власова, ибо здесь он пытается решить ту же, что и любой мемуарист, задачу – осмыслить свой жизненный путь.

Поскольку материалов о довоенной, а особенно о дореволюционной жизни Власова почти не сохранилось, его автобиографии приобретают для историка первостепенное значение. И хотя тут и там Власов не вполне искренен, сопоставление текстов позволяет многое понять в характере создателя Русской освободительной армии.

Глава первая

«Меня ничем не обидела советская власть... – писал он в „Открытом письме“, опубликованном русскоязычной немецкой газетой „Заря“ 3 марта 1943 года. – Я – сын крестьянина, родился в Нижегородской губернии, учился на гроши, добился высшего образования. Я принял народную революцию, вступил в ряды Красной армии для борьбы за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее Русского народа. С тех пор моя жизнь была неразрывно связана с жизнью Красной армии...»

Но это «мемуары».

В автобиографии, созданной Власовым еще в бытность его командиром 99-й стрелковой дивизии, вопрос о происхождении, образовании и причине вступления в Красную армию излагался несколько иначе...

Впрочем, иначе и не могло быть.

Все сведения, изложенные в «Автобиографии» на комбрига Власова Андрея Андреевича», тщательно проверялись.

«Родился 1 сентября 1901 года в селе Ломакине, Гагинского района, Горьковской области, в семье крестьянина-кустара. Жена, Анна Михайловна Власова (девичья фамилия Воронина), уроженка той же местности.

Главное занятие родителей моих и жены до Октябрьской революции и после – земледелие. Хозяйство имели середняцкое»...

Превращение отца генерала Андрея Владимировича Власова из простых крестьян в крестьянина-кустара вроде бы незаметное, но тем ни менее весьма существенное.

Андрей Владимирович Власов помимо крестьянской работы занимался портняжным ремеслом – «обшивал все село»¹ – и этот доход позволял ему надежнее стоять на земле. Особых избытков не было, но, судя по дому, в котором родился и вырос будущий генерал, хозяйство было достаточно крепким. Не случайно Андрей Владимирович Власов был старостой местной церкви...

Позволительно тут сделать небольшое отступление...

Так уж получилось, что работая над книгой «Два лица генерала Власова», я использовал практически все известные и достоверные документальные свидетельства о жизни и деятельности едва ли не самого знаменитого изменника Родине. Поэтому, приехав в Ломакино, которое, если судить по народным – «ломакинцы, царя не попотчевав, спать уложили» – преданиям, начинало свою историю со времен похода Иоанна IV Васильевича Грозного на Казань, я и не рассчитывал узнать что-то новое о генерале Власове.

И тем не менее поездка на родину генерала оказалась не напрасной.

Здесь, на берегах реки Пьяны, яснее открылось, как формировался характер Власова, как складывалась его кручено-перекрученная судьба.

Перед Ломакино мы заехали в имение масона Василия Александровича Пашкова, из которого началась знаменитая пашковщина. В 1884 году Пашкова выслали за границу, но и оттуда он продолжал поддерживать деньгами единомышленников, поставивших своей целью борьбу с Россией и православием.

Потом побывали в имении барона Антона Генриха Жомини, который во время Отечественной войны служил генералом и в русской, и во французской армии у Наполеона. В имении его, где сам барон, собственно говоря, и не жил, в 1943 году собирались поселить пленного фельдмаршала Паулюса...

¹ Андрей Владимирович Власов был единственным в Ломакино портным.

И все время, пока колесили мы по Гагинскому району, извиваясь, крутилась возле нас река Пьяна, связывая имение масона Пашкова, усадьбу Жомини и село Ломакино, где вырос генерал Власов.

Учитывая, что и имение Пашкова, и усадьба Жомини, и село Ломакино расположены на расстоянии мальчишечьего набега, можно говорить о соседстве их.

И соседство это, конечно, поразительное и неслучайное.

А в самом Ломакино мы постояли возле тонущего в зарослях кустов и густой травы дома, где родился и вырос генерал Власов.

Наш экскурсовод рассказал, что этим домом заинтересовался Пешеланский гипсовый завод, который входит в Московский промышленный холдинг. Поначалу планировалось открыть здесь, наподобие Болдино, музей генерала, но фронтовики Нижегородской области попросили тогдашнего президента Медведева разобраться с провокационной затеей, и с музеем решили погодить.

Почему-то после этого рассказа заходить в дом расхотелось, и мы прошли к обелиску, стоящему невдалеке от власовского дома.

Как и везде в России, бесконечны на ломакинском обелиске столбцы фамилий павших за Родину жителей села.

Только Коновых, четырнадцать человек, не вернулось с войны в Ломакино, а еще – тринадцать Барановых, а еще – двенадцать Власовых...

Фамилии самого генерала Андрея Андреевича Власова на обелиске, конечно, не было...

Но вернемся к автобиографии А.А. Власова, составленной им, когда он еще был советским комбригом.

«Я окончил сельскую школу. После чего на средства родителей и брата был отдан учиться в духовное училище, как самое дешевое в то время по плате обучения.

С пятнадцати лет, занимаясь подготовкой малолетних детей (репетитор), я сам зарабатывал себе средства на право обучения. По окончании духовного училища в гор. Нижнем Новгороде два года учился в духовной семинарии на правах иносословного (т. е. не духовного звания). В 1917 году после Октябрьской революции поступил в XI Нижегородскую единую трудовую школу 2-й ступени, которую и окончил в 1919 году. Поступил в 1919 году в Нижегородский государственный университет по агрономическому факультету, где и учился до призыва в РККА».

В Красную армию Власова призвали 5 мая 1920 года, и «за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее Русского народа», как он писал в немецкой газете «Заря», сражаться ему пришлось недолго.

В октябре 1920 года, после завершения Нижегородских пехотных курсов командного состава РККА, молодого краскома отправили на врангелевский фронт, но добрался он туда, когда боевые операции были завершены и начались карательные – расстрелы десятков тысяч сдавшихся белогвардейских офицеров.

Разумеется, особой разницы в изложении событий нет, и все же, как мы видим, акценты в «Открытом письме» чуть-чуть смещены.

В 1943 году Власову почему-то было важно, чтобы его осеняла слава участника Гражданской войны. А реальный послужной список – участие в разгроме крестьянских отрядов Маслака и Каменюка – для борьбы за «землю для крестьян, за светлое будущее Русского народа» явно не подходил.

Как, впрочем, не подходила для имиджа народного героя и вся по следующая служебная карьера Андрея Андреевича...

Еще более существенны разночтения в пункте образования.

В университете Власов провел менее года, и его слова: «Я... учился на гроши, добился высшего образования» – не соответствуют истине. По его письмам² видно, что и элементарной грамотности не хватало ему, не говоря уже о других познаниях.

В самой последней «автобиографии», созданной уже в ходе судебного заседания 30 июня 1946 года, Власов дал по поводу своего образования более объективные сведения: «Окончил два класса семинарии и курсы „Выстрел“...».

Высшего образования у Власова не было. Это важно. Но еще более существенны попытки обойти этот вопрос. И тут мы должны вспомнить, что «Открытое письмо» Власов писал, ощущая (или пытаясь ощутить) себя национальным героем, вождем и будущим спасителем России. Расстановка акцентов, смещение правды и выдумки в нем – принципиальны. Они показывают, *каким* Власов хотел быть, *как* хотел выглядеть в глазах сподвижников. Этим и вызвано самозванное повышение образовательного ценза. К высшему образованию в нашей стране тогда относились с уважением.

Но все же были тут, как нам кажется, и иные, подсознательные мотивы.

Власов все-таки получил в юности зачатки серьезных знаний, позволявшие ему, по крайней мере, ощущать недостаточность своего образования для той работы, которой приходилось заниматься. Явление это не столь и заурядное в Красной армии. У большинства советских военачальников, вспомните Буденного или Ворошилова, даже и сожаления такого не возникало.

Тем не менее для понимания судьбы и характера Власова важнее другое: ощущая явную недостаточность образования, Власов не считал возможным прервать свою карьеру для учебы.

Между тем поначалу карьера генерала складывалась довольно скучно и заурядно.

До июля 1922 года Власов занимал должность командира взвода, а затем – роты в четырнадцатом Смоленском полку второй Донской стрелковой дивизии, расквартированной в бывшей Донской области и Воронежской губернии.

В 1923 году, на пятую годовщину Красной армии, как сказано в биографическом очерке, изданном Школой пропагандистов РОА в Дабендорфе³, комроты Власов был награжден именными серебряными часами.

Менялись номера дивизии и полка. Из второй дивизия сделалась девятой, а полк был переименован вначале в пятый Смоленский, а затем – в двадцать шестой Ленинградский. Но в карьере Власова, в его жизни существенных изменений не происходило.

Начальник полковой школы 26-го стрелкового полка, слушатель Высших стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава Красной армии «Выстрел», командир стрелкового батальона, временно исполняющий должность начальника штаба полка – обычная захолустная армейская судьба...

Вспоминая в 1943 году свою первую армейскую десятилетку, Власов напишет:

«Будучи командиром Красной армии, я жил среди бойцов и командиров – русских рабочих, крестьян, интеллигенции, одетых в серые шинели. Я знал их мысли, их думы, их заботы и тяготы. Я не прерывал связи с семьей, с моей деревней и знал, чем и как живет крестьянин.

И вот я увидел, что ничего из того, за что боролся русский народ в годы Гражданской войны, он в результате победы большевиков не получил.

Я видел, как тяжело жилось русскому рабочему, как крестьянин был загнан насильно в колхозы, как миллионы русских людей исчезали, арестованные, без суда и следствия. Я видел, что расшатывалось все русское, что на руководящие посты в стране, как и на командные посты в Красной армии, выдвигались подхалимы, люди которым не были дороги интересы Русского народа».

² В письмах, которые будут приведены в нашей книге, мы исправили орфографические и пунктуационные ошибки, поскольку они затрудняют чтение. В авторской орфографии письма А.А. Власова воспроизведены в публикации к. ист. н. Натальи Перемышленниковой (Источник, 1998, № 4).

³ Автор очерка – личный секретарь Власова, поручик РОА В. Осокин.

Нет никаких оснований, чтобы сомневаться в искренности этого признания.

Все двадцатые годы Андрей Андреевич служил в центральных районах России. Вторая Донская дивизия принимала участие и в рассказывании, и в укрощении крестьянских волнений, и не видеть, не понимать, *что* происходит, Власов просто не мог. Человеком он был неглупым, да и находился не в таких чинах, чтобы не сталкиваться с царившим вокруг произволом.

Так что он действительно многое видел, многое понимал...

Другое дело, что, и понимая все, не помышлял тогда о карьере народного заступника, освободителя России. И в мыслях не прикидывал на себя эти красивые, но невероятно тяжелые одежды!

Более того, с годами армейской службы то раздвоение сознания, когда приходится служить тому, что ненавистно тебе, становилось для Власова привычным, и он словно бы и забыл, что можно жить как-то иначе.

Священник РОА, протоиерей Александр Киселев приводит в своей книге довольно интересный эпизод:

«Как-то, будучи наедине с женой, Власов критиковал новый правительственный декрет, которому была посвящена свежая газета. Вошел близкий сотоварищ-офицер. Власов с полуслова перешел на восторженно-восхваляющий тон по поводу того декрета, который он только что критиковал. По уходе офицера жена Власова с горячностью сказала:

– Андрей, разве так можно жить?!»⁴

Вопрос очень наивный...

Анне Михайловне Власовой можно только посочувствовать. Хотя и сделалась она женой красного командира, но совестливость и простота то и дело прорывались в ее поступках, и жить с Андреем Андреевичем ей было нелегко. Нелегко было и самому Власову. Он не чувствовал себя счастливым в семейной жизни. Жена, как ему казалось, не понимала его. Не понимала, что он уже и не может жить иначе.

Объяснить это тоже было трудно, да и рискованно было затевать такой разговор. И Андрей Андреевич молчал. «Понимания» он искал теперь на стороне и, как можно судить по некоторым свидетельствам, находил его.

Забегая вперед, скажем, что только война помогла решить Власову семейную проблему.

Отправив 22 июня 1941 года в Горьковскую область к родителям жену⁵, Власов сразу же завел себе военно-полевую подругу – Агнессу Подмазенко, с которой у него был весьма бурный роман.

Но это произойдет через десять лет, а пока расставаться с Анной Михайловной будущий генерал не спешил. Тем более что в 1930 году он решил вступить в партию.

С точки зрения карьериста решение, безусловно, правильное. Сложнее было совладать с собственными чувствами, со своей совестью, но тут – Власов уже завершал тогда армейскую «школу» – тоже все было в порядке. Излишней откровенностью Андрей Андреевич никогда не страдал, да и полковая выучка тоже не прошла напрасно. Судя по рассказу протоиерея Александра Киселева, уже тогда Власов виртуозно умел скрывать и свои мысли, и свои чувства.

⁴ Протоиерей Александр Киселев. Облик генерала А.А. Власова. Записки военного священника. Второе дополненное издание. Нью-Йорк, 1977. С. 45.

⁵ В эвакуацию А.М. Власова попала на станцию «Сорочинская», Чкаловской (Оренбургской) области, и в Горьковскую область ее удалось перевезти только в 1942 г.

Глава вторая

Как и следовало ожидать, после вступления Власова в партию в его карьере наступил перелом. В ноябре 1930 года его переводят из Ленинградского стрелкового полка в Ленинградский военный округ.

Если мы вспомним, что под Ленинградом, при неудачной попытке деблокады города, и закатилась звезда советского генерал-лейтенанта Власова, здесь обнаружится явная, фатальная связь.

Постигнуть ее, разумеется, невозможно, но ощущение такое, будто кто-то, большой и нездешний, хохочет над человеком, вздумавшим перехитрить самого себя.

Впрочем, до развязки в этой недоброй шутке еще далеко, а пока в Ленинграде Власов начинает проходить «курсы» своего университета...

За семь ленинградских лет он успел послужить:

1. Преподавателем тактики в объединенной школе им. Ленина.
2. Помощником начальника учебного отдела.
3. Помощником начальника Первого сектора Второго отдела Штаба Ленинградского военного округа.
4. Помощником начальника отдела боевой подготовки Штаба ЛенВО.
5. Начальником учебного отдела курсов военных переводчиков разведывательного отдела ЛенВО.

Справедливости ради заметим, что в 1933 году, когда Власова перевели в Штаб Ленинградского военного округа, он попытался продолжить традиционное образование – поступил на вечернее отделение академии РККА. Однако уже после первого курса (карьера не оставляла времени для учебы) покинул академию.

Но если традиционные военные науки Власову так и не удалось постигнуть, то технологию работы советских штабов, военную бюрократию он освоил в совершенстве.

Без преувеличения можно сказать, что именно в Ленинграде выработалась во Власове та феноменальная убежденность советских военачальников в самих себе, которая позволяла им без колебания братья за любое дело.

Показав, что он одинаково успешно командует батальоном, преподает тактику, направляет обучение военных переводчиков, не владея ни одним языком, Власов доказал свое право быть советским полководцем.

Семь лет – немалый срок...

Но именно столько потребовалось Власову, чтобы перебраться с должности начальника штаба полка на должность командира полка.

В июле 1936 года это знаменательное в жизни Андрея Андреевича Власова событие наконец-то свершилось. Будучи помощником начальника боевой подготовки Штаба ЛенВО, он участвовал в инспекционной поездке по округу комкора В.М. Примакова.

Как пишет в биографическом очерке поручик В. Осокин, Виталия Марковича Примакова возмутил низкий уровень подготовки 11-го стрелкового полка. Тут же командир был смещен, а на его место назначен Власов.

Если это верно и исполняющим обязанности командира полка Власов стал благодаря протекции человека, который скоро признается, что участвовал в антисоветском, троцкистском, военно-фашистском заговоре, то момент этот в карьере Андрея Андреевича легко мог стать роковым. Власов тогда вполне мог отправиться вслед за своим благодетелем в подвалы Лубянки или Большого дома.

Спасло Власова то, что его перевели в Киевский военный округ командиром 215-го стрелкового полка.

С чем был связан перевод, сказать трудно.

Возможно, это была обычная в военных кругах «ротация» комсостава, но, возможно, сыграл свою роль и скандал, разразившийся в семье новоиспеченного командира полка. Пылкий роман Андрея Андреевича Власова с некоей Юлией Осадчей⁶ завершился тем, что Юлия родила от него дочь и подала на алименты.

Однако уже наступал 1937 год, когда, по выражению Анны Андреевны Ахматовой, «ненужным довеском болтался возле тюрем своих Ленинград», и семейный скандал не повредил карьере краскома-алиментщика.

Более того, в каком-то смысле скандал этот помог Власову отвести подозрения. В самом деле... В то время, когда комсостав Красной армии в массовом порядке подался в немецкую, японскую и английскую разведки, нашелся офицер, который не соблазнился модным поветрием, а по-прежнему занимается простым и бесхитростным делом военных всех времен – воспроизводит себе подобных. И хотя в спокойные времена политорганы и не поощряли семейных измен, но сейчас на фоне бесконечных шпионских скандалов и разоблачений они могли отнестись к промаху бравого офицера даже с некоторым сочувствием⁷. Андрея Андреевича Власова, как мы и говорили, просто перевели в другой военный округ.

Тем более, что закончился семилетний курс «военно-бюрократического института», и в должности командира полка Власов не засиделся.

Буквально через несколько недель его назначили начальником 2-го отдела Штаба Киевского Особого военного округа, а затем и командиром дивизии.

Чистка, бушевавшая в то время в армии, не только не задела Власова, но даже способствовала его успешному продвижению к высоким должностям.

Напомним, что 2 марта 1937 года в Берлине, в Германском военном министерстве, ночью произошел пожар, во время которого из министерства чехословацкими спецслужбами были похищены документы о сотрудничестве М.Н. Тухачевского с немецкой разведкой.

Президент Чехословакии Эдуард Бенеш приказал препроводить эти документы в Москву. За М.Н. Тухачевским была начата слежка⁸.

Вот неумолимо жестокие, словно покрывшиеся запекшейся кровью события весны 1937 года:

3 марта. Завершил работу Пленум ЦК ВКП(б), одоббивший курс на ужесточение борьбы с троцкистскими шпионами и террористами.

5 апреля. Народным комиссаром НКВД назначили Николая Ивановича Ежова.

16 мая. Арестовали начальника Военной академии им. М.В. Фрунзе Августа Ивановича Корка.

22 мая. Арестовали председателя Осоавиахима, комкора Роберта Петровича Эйдемана.

27 мая. Арестовали командующего Приволжским военным округом, маршала Михаила Николаевича Тухачевского.

28 мая. Арестовали приехавшего в Москву командующего войсками Киевского военного округа Иону Эммануиловича Якира.

29 мая. На вокзале арестовали приехавшего в Москву командующего войсками Белорусского военного округа Иеронима Петровича Уборевича.

⁶ Ульяна, как ее назовет Власов в своем письме к жене.

⁷ Не то, что жена... Анна Михайловна Власова, как мы уже говорили, была человеком весьма твердых устоев и, когда она узнала о взыскании алиментов с мужа, произошла ссора, принявшая весьма затяжной характер. Как видно из переписки, и в 1941 году, и в 1942 году Власов вынужден был снова и снова доказывать жене, что прекратил всякие отношения с Юлией Осадчей. И тут он, отметим это, забегая вперед, нисколько не лгал. У него тогда, действительно, не было никаких отношений с Юлией, поскольку он был увлечен романом вначале с А.П. Подмазенко, а потом с М.И. Вороновой.

⁸ Ряд современных историков полагает, что компрометация Тухачевского была работой самих немцев, и всю операцию разработали в ведомстве Канариса. Однако неопровержимых доказательств этому нет.

31 мая. Застрелился, запутавшись, как писали в газетах, в связях с контрреволюционными элементами, Ян Борисович Гамарник, бывший начальник Политуправления РККА.

11 июня. В специальном судебном присутствии Верховного суда Союза ССР состоялось слушание дела по обвинению в шпионаже и государственной измене командующего Приволжским военным округом, маршала Михаила Николаевича Тухачевского; командующего войсками Белорусского военного округа, командарма 1-го ранга Иеронима Петровича Уборевича; командующего войсками Киевского военного округа, командарма 1-го ранга Ионы Эммануиловича Якира; начальник Военной академии, командарма 2-го ранга Августа Ивановича Корка; комкора Виталия Марковича Примакова; комкора Витовта Казимировича Путны; комкора Роберта Петровича Эйдемана. Все подсудимые были признаны виновными, осуждены и расстреляны в ту же ночь.

12 июня. По всей стране – стихийные митинги, демонстрации с требованиями смертной казни для «грязной банды шпионов».

Потом в «Открытом письме» А.А. Власов напишет:

«С 1938 по 1939 год я находился в Китае в качестве военного советника Чан Кайши. Когда я вернулся в СССР, оказалось, что за это время высший командный состав Красной армии был без всякого повода уничтожен по приказу Сталина. Террор распространился не только на армию, но и на весь народ. Не было семьи, которая так или иначе избежала этой участи. Армия была ослаблена, запуганный народ с ужасом смотрел в будущее, ожидая подготавливаемой Сталиным войны... Работой и постоянной заботой о порученной мне воинской части я старался заглушить чувство возмущения поступками Сталина и его клики».

Пафос этих обличений несколько расходится с приводимыми в том же «Открытом письме» сетованиями, дескать, «на командные посты в Красной армии выдвигались подхалимы». Ведь, если следовать логике, Власов должен был одобрять Сталина, поскольку тот уничтожал «подхалимов, людей, которым не были дороги интересы Русского народа»...

Такая вот тут неувязочка получается.

Не все благополучно в «Открытом письме» Власова и с датами.

Чистка в армии началась задолго до его командировки в Китай. И если сам он под чистки не попал, то уклониться от участия в них никак не мог.

И не уклонялся...

«В общественной работе всегда принимал активное участие, – писал Власов в своей доверенной автобиографии, – был избран членом военного трибунала округа...»

Как сообщает биограф Власова А. Колесник, в 1937–1938 годы Власов «был членом военного трибунала в Ленинградском и Киевском военных округах. Знакомясь с его деятельностью в этой роли, не удалось обнаружить ни одного оправдательного приговора, вынесенного по его инициативе».

Некоторые называют этот феномен человеческой психики «двойным дном». Однако для человека, который в порядке общественной работы подписывает расстрельные приговоры военного трибунала и при этом старается заглушить в себе «чувство возмущения поступками Сталина и его клики», термин этот не вполне подходит.

Тут не о двойном дне надо говорить, а о некоем удивительном сплаве искренности и лицемерия, где один компонент не может быть отделен от другого логическим путем. Да и иные методики анализа тоже не приводят к истине – слишком уж сложен сплав.

Конечно, будучи еще командиром роты и батальона, Власов видел, *кто* и *как* поднимается на более высокие посты. Сочувствовать этим военачальникам он не мог: во-первых, в силу не слишком высоких моральных качеств выдвиженцев Льва Давидовича Троцкого и их явной русофобии; во-вторых, потому, что они преграждали путь наверх таким командирам, как он. Поэтому-то он и не проявлял никогда инициативы, чтобы вынести оправдательный приговор.

Но при этом Власов и сам уже отчасти принадлежал к советской армейской элите, по которой наносился удар, сам мог оказаться на скамье подсудимых. Это, конечно же, не могло не наполнять его «чувством возмущения».

Но, с другой стороны, Власов – человек, закончивший семь курсов «военно-бюрократического университета» в Штабе ЛенВО, не мог не понимать, что *так* открывается путь и для его карьеры, и для карьеры тех, кому «дороги интересы Русского народа». Действительно, если в 1935 году появилось 105 новых генералов и маршалов, то в 1937 году таких назначений было сделано 585, а в 1939 году – 1674.

Ошеломляющая, невиданная динамика свершения карьер.

И это не могло не радовать А.А. Власова.

Тем более что, как писал А.А. Власов в довоенной автобиографии, он «никаких колебаний не имел. Всегда стоял твердо на генеральной линии партии».

Вот уж воистину диковинный характер, где благородство легко перетекает в подлость, где предельная осторожность сливается с самопожертвованием, а искренность оборачивается лицемерием.

Виктор Филатов в своей работе, посвященной Андрею Власову (нам еще предстоит рассмотреть ее!), дает несколько иную оценку деятельности Власова на поприще члена военного трибунала.

«Из партийной характеристики, – пишет он, – видно, что член партии с 1930 года майор А.А. Власов в должности командира полка славно повоевал на этом фронте в составе Ленинградского военного округа – оплота Льва Давидовича со времен еще семнадцатого года, когда там верховодил он, будущий «романтик революции» и «создатель Красной армии» Бронштейн-Троцкий, переокрасивший в красный цвет «легион бундовцев – средоточие животного «национализма и сепаратизма в российском рабочем движении». Но не это главное, главное в том, что «легион» был всегда антирусским, зоологически ненавидел все русское и русских. Вел с Россией войну тайную и явную, пакостил ей на Украине и в Белоруссии, в Прибалтике, но в основном – в самой России.

После революции БУНД под тайным водительством Бронштейна-Троцкого троянским конем лихо въехал в состав РКП(б) – Российскую Коммунистическую партию (большевиков), – таким манером «буржуазно-националистический» легион стал русским. Через короткое время бундовцы перестали писать в партийных анкетах, что до ВКП(б) они состояли в БУНДе. БУНД окончательно превратился в партию всех народов СССР. С тех пор и до последнего дня существования КПСС в партии было две партии: первая называлась «АП» – актив партии, то есть бундовцы всех «колен»; вторая «ПП» – пассив партии, то есть все эти русские, украинцы, белорусы и пр., призванные повторять лозунги «АП», идти за «АП»...

В 1938 году была война русских во главе со Сталиным против бронштейнов-гамарников, бронштейнов-тухачевских, бронштейнов-бухариных, бронштейнов-фельдманов, бронштейнов-эйдманов и пр. И Сталин победил – это была первая русская революция (Здесь и далее курсив мой. – Н. К.). Бундовцы-большевики, большевики-бундовцы к победе над русскими в семнадцатом году шли через кровь 1905 года. Русские шли к победе 1938 года через низложение Бронштейна-Троцкого и высылку его из страны в 1927 году. Именно на фронтах с «бронштейнами» Андрей Власов вырос за два года от майора до генерал-майора.

В 1938 году *он под водительством Сталина одержал первую русскую национальную победу*. В этой войне Андрей Власов вначале командовал полком, а потом механизированным корпусом в Перемышле, кстати, город этот – один из главных центров еврейской оседлости на западе России. В Перемышле Власов, будучи командиром 4-го мехкорпуса, постоянно встречался с Хрущевым, который наезжал туда как 1-й секретарь ЦК партии Украины»⁹.

⁹ Виктор Филатов. Власовщина. РОА: белые пятна. М., 2005. С. 115–116.

Объяснение любопытное, хотя и натянутое.

И.В. Сталин устроил небольшой погром в ЦК ВКП(б) и уничтожил ленинскую гвардию, руководствуясь не русским патриотизмом, а лишь стремлением сохранить собственную власть. Так что хотя бы уже поэтому говорить о *русской национальной победе* здесь не приходится. Русских Иосиф Виссарионович Сталин уничтожал точно так же, как и соплеменников Льва Давидовича Троцкого.

В отличие от его биографов сам Власов в сплаве своего характера даже и не пытался разобраться.

В «Мемуарах» он просто уезжает из этого сложного периода жизни в Китай.

В Китае Андрей Андреевич Власов действительно был, но позднее, когда в горниле чисток окончательно выковался его генеральский характер.

В Китае Власов, как и многие другие военачальники того времени, проходил последнюю проверку на право занимать высшие должности, сдавал, если продолжать нашу метафору, государственный экзамен за весь предшествовавший семилетний курс обучения.

Глава третья

В Китае Власов служил под фамилией Волков.

Вначале он читал лекции по основам оперативного искусства для китайского комсостава, потом был назначен начальником штаба советского военного советника генерала Черепанова, после состоял военным советником при генерале Янь Сишане, губернаторе провинций Шанси и Суй-Ю-Ань, уговаривая того присоединиться к Чан Кайши.

В Китае тогда ходила поговорка: «Никто в Поднебесной не умеет считать деньги так, как Янь Сишань».

И, действительно, признавая на словах главенство Чан Кайши, Янь Сишань фактических приказов главнокомандующего не выполнял, а, укрываясь в горах, сберегал силы.

В связи с этим задача Власова приобретала отчасти дипломатический оттенок. Ему нужно было склонить хитроумного губернатора к поддержке наступления Чан Кайши. Видимо, Власову удалась эта миссия, поскольку осенью 1938 года, когда Черепанова отозвали в Москву, Власова назначили исполняющим обязанности военного советника при Чан Кайши.

Сведения о службе Власова в Китае крайне обрывочны и противоречивы.

Такие биографы, как В. Филатов, утверждают, что Власов действительно проявил здесь незаурядный полководческий талант, и приписывают его заслугам победу, одержанную китайцами в 1938 году под Тайэрчжуанем.

«Тогда же, в 1938 году, произошло два сражения – за Сюйчжоу и за Ухань. В 1939 году была одержана первая победа под Чаншой, больше месяца китайцы вели успешные бои за перевал Кунь-Лунь. За неполные два года китайцы при Власове-руководителе¹⁰ группы военных советников провели столько сражений и одержали столько побед, сколько они потом не имели за четыре года, по крайней мере, до конца 1943 года».

Сообщается, что в Китае якобы тогда был даже выпущен плакат, на котором изображали Янь Сишаня и Власова, ведущих войска на сражение с японцами.

Другие биографы намекают на не меньший, чем на полях сражений, успех Андрея Андреевича в постели супруги Чан Кайши...

Заметим здесь попутно, что, если верить этим биографам генерала, в Китае впервые ясно обозначилось, благотворное влияние боевых действий на половые способности Андрея Андреевича. Постель супруги Чан Кайши, происходившей из знаменитого китайского рода Сунь Ят-Сена, оказалась слишком тесной для его талантов, и Власов покупает себе сроком на три месяца (командировочные поджимали?) шестнадцатилетнюю китаянку.

Ну, а такие биографы генерала, как В. Штрик-Штрикфельдт, полагают, что «будучи военным советником при штабе Чан Кайши, молодой полковник познакомился с древней китайской культурой, занялся изучением китайской философии и накопил богатый политический опыт, внимательно наблюдая развитие китайско-японского конфликта».

Получается, что Власов преуспел и в полководческих делах, и в амурных, и в изучении китайской философии. И это, наверное, и нужно считать главным свидетельством того, что он выдержал столь трудный экзамен.

Когда Власов был отозван на родину, Чан Кайши якобы наградил его золотым орденом Дракона (по другим сведениям – орденом Луны, по сведениям В. Филатова – орденом «Юн-Хю»), а супруга будущего генералиссимуса подарила «своему дорогому товарищу Волкову» золотые часы.

¹⁰ А.А. Власов никогда не был руководителем группы военных советников.

По свидетельству тех же биографов, во время промежуточной посадки в Алма-Ате сотрудники НКВД произвели обыск и конфисковали все доказательства жизни Андрея Андреевича за пределами СССР.

Багаж, отправленный по железной дороге, тоже не прибыл к месту назначения.

Остался Андрей Андреевич и без ордена, и без золотых часов.

Впрочем, едва ли он сожалел об этом, ибо – мы уже говорили! – трудный экзамен был выдержан им.

«Тов. Власов хорошо грамотный командир. Как общее образование, так и военная подготовка хорошая. За время командировки выполнял ряд ответственных заданий. Проявил себя знающим дело и пользовался хорошим авторитетом. На нервной почве подчас проскальзывала грубость. Находясь в совершенно трудных условиях, показал себя, как достойный большевик нашей Родины. Обладает достаточной силой воли и твердости. Настойчив, общителен, в общественной жизни активен. Предан делу партии Ленина – Сталина. Имеет хорошую марксистско-ленинскую подготовку. Может хранить военную тайну.

Практически здоров и вынослив в походной жизни...

29.12.39. Комбриг Ильин».

Такое ощущение, что характеристика эта в постели супруги Чан Кайши и написана.

Но это не так уж и важно.

Важно, что именно с этой характеристики и начинается новый виток в блистательной карьере советского военачальника Андрея Андреевича Власова.

Вот ее даты:

Конец 1939 года. Должность командира 99-й стрелковой дивизии 6-й армии, дислоцированной в городе Перемышль.

Май 1940 года. А.А. Власов избран членом Перемышльского горкома ВКП(б).

4 июня 1940 года. СНК СССР присвоил А.А. Власову звание генерал-майора.

25–27 сентября 1940 года. На инспекторском смотровом учении, проведенном народным комиссаром обороны – Маршалом Советского Союза товарищем С.К. Тимошенко, дивизия, которой командовал А.А. Власов, получила «хорошую оценку» и была награждена переходящим знаменем Красной армии.

3 октября 1940 года. В газете «Красное знамя» опубликована статья А.А. Власова «Новые методы учебы», где автор цитирует Александра Суворова и напирает на полезность политзанятий.

9 ноября 1940 года. В газете «Красная звезда» опубликована статья П. Огина и Б. Кроля «Командир передовой дивизии» об А.А. Власове.

17 января 1941 года. А.А. Власов назначен командиром 4-го механизированного корпуса КОВО.

6 февраля 1941 года. А.А. Власов награжден орденом Ленина.

23 февраля 1941 года. Газета «Красная звезда» перепечатала статью А.А. Власова «Новые методы учебы».

Это хронология.

А вот характеристики на А.А. Власова:

«Находясь в особо трудных условиях, показал себя как достойный большевик нашей Родины».

«Практически здоров и вынослив в походной жизни. Имеет стремление от службы уйти в строй».

«Энергичен в решениях, инициативен».

«Генерал-майор Власов непосредственно руководит подготовкой штабов дивизии и полков. Он уделяет много внимания состоянию учета и хранению секретных и мобилизационных документов и хорошо знает технику штабной службы».

«Его авторитет среди командиров и бойцов дивизии высок».

«Генерал-майор Власов... лучше и быстрее других воспринял личные указания Народного Комиссара о перестройке боевой подготовки».

Под характеристиками, выдержки из которых мы процитировали, стоят разные подписи. Есть здесь и подпись командующего войсками КОВО генерала армии Жукова.

Для нас, живущих после войны, имя Жукова значит многое. И я напоминаю о подписи под хвалебной характеристикой на генерала Власова не для того, чтобы оскорбить память великого полководца. Нет. Подпись Жукова свидетельствует лишь о том, что тогда А.А. Власов был точно таким же, как все, генералом Красной армии.

Впрочем, об этом мы еще будем говорить, когда придет время рассказать о сражении под Москвой...

Пока же, справедливости ради, отметим, что восхождение Андрея Андреевича Власова отнюдь не было безоблачным. Нашлись и у него недоброжелатели.

В январе 1940 года в парторганизацию и в органы поступило заявление, дескать, Власов не тот за кого себя выдает. Скрыл, дескать, мерзавец свое семинарское прошлое.

К счастью для Власова, парторганизация повела себя вполне пристойно.

10 января 1940 года она отправила в органы ответ: «Парторганизации было известно о том, что т. Власов окончил духовную семинарию до его вступления в Партию».

Это парторганизации действительно было известно.

Этого Андрей Андреевич Власов никогда и не скрывал.

И все-таки, даже и забывая о дальнейшей судьбе Андрея Андреевича Власова, перечитывая эти служебные характеристики, трудно сказать, чего в нем было больше – настоящей инициативы и энергичности, или того подобия инициативы и энергичности, которые хотелось видеть начальству.

Впрочем, о ком из тогдашних генералов можно было сказать это с полной уверенностью?

И вот что поразительно.

Сохранилось достаточно большое количество документов, связанных с жизнью Андрея Андреевича Власова.

Целый ворох фотографий.

Но все они («Пленный генерал Власов доставлен в штаб 18-й немецкой армии», «Генерал Власов в немецком лагере военнопленных», «Генерал Власов в Берлине», «Генерал Власов на рождественской елке для детей», «Генерал Власов принимает рапорт генерала Трухина», «Генерал Власов выступает в „Европейском доме“ в Берлине» и так далее), если не считать снимка, сделанного во время встречи Нового 1942 года и запечатлевшего Власова в компании Агнессы Подмазенко и двух генералов – заместителя командующего 20-й армией А.И. Лизюкова и члена Военного совета армии П.Н. Куликова, – из второй жизни генерала, а из первой, когда Власов еще не стал тем Власовым, которого мы знаем, почти ничего не осталось.

Сохранилось ничтожно мало снимков, на которых мы могли бы увидеть генерала Власова в кругу своих друзей, в минуты отдыха.

То же самое и с воспоминаниями.

Сколько людей общалось с ним, но все – женщины не исключение! – запомнили его именно как генерала.

Характерны в этом смысле воспоминания А.И. Полякова, директора Гагинского краеведческого музея, в ведении которого находится и село Ломакино – родина генерала¹¹.

¹¹ Любопытно отметить тут, что А.А. Власов родился в весьма примечательном краю. Мы вспоминали об именах Васи-

«До войны гагинцы очень гордились Власовым. Еще бы – генерал Красной армии, орденосец! В 1940 году он приезжал к нам, в его честь организовали митинг, где он выступил с большой патриотической речью. Кто мог тогда подумать?!»

Племянница Власова, В.В. Карбаева, в 1940 году была ребенком.

Она вспоминает, что «своих детей у Власова не было, вот он и баловал нас», но все равно ни детский возраст, ни «баловство», которым одарял ее дядя, не растопили субординации в отношениях.

«Хотя и в высших чинах был, а не чурался общаться с односельчанами... По вечерам выступал в клубе, рассказывал о том, что творится в мире. Не боялся и крестьянской работы. Он все умел: и косить, и пахать. К нему во время отпуска любой односельчанин мог подойти за помощью в хозяйстве, он никому не отказывал. А как он умел петь?! Всегда возил с собой гармонь... *Мы все очень любили Андрея Андреевича...*»

Не дядя Андрей, а Андрей Андреевич... Лучше бы, конечно, *товарищ генерал*, но и так тоже вполне официально в устах ребенка.

Но, с другой стороны, как еще можно относиться к человеку, который общается с товарищами детства, с родственниками, *вечерами выступая в клубе*, рассказывая на лекциях о том, что творится в мире.

Нет, Власов не был мизантропом.

Друзья и приятели, безусловно, были у него. Известно, например, что хорошие отношения сложились у Власова с его тестем – Михаилом Николаевичем Ворониным.

«Мне, как и ему, так хотелось видеть друг друга, – напишет сам Власов в октябре 1941 года, узнав о смерти Михаила Николаевича. – Ведь мы оба так любили и понимали друг друга».

Но – увы! – воспоминания этих людей не сохранились.

Похоже, что после 1942 года друзья и знакомые Власова торопливо сжигали его фотографии, уничтожали свидетельства близости с генералом-изменником. Похоже, что сослуживцы Власова старательно забывали генерала и – это факт! – сумели позабыть его.

И это, конечно, тоже суд, тоже приговор.

Так получается, что Власов сразу возникает на немецких фотоснимках, в кадрах фашистской кинохроники, в воспоминаниях офицеров немецкой разведки и «Вермахт пропаганды».

Высокий, чуть сутуловатый генерал в очках, делающих его похожим не то на сельского учителя, не то на бухгалтера; в нелепой – странная смесь вермахтовского мундира и советского кителя с широкими обшлагами – форме цвета хаки.

Но и здесь тоже только вывеска, только название фирмы – «Генерал Власов», а самого Власова нет.

И бесполезно вчитываться в воспоминания сотоварищей Власова по службе у немцев, мы не узнаем из них, любил ли, к примеру, Власов охоту. Или рыбалку? Или предпочитал собирать грибы? Какие книги читал Власов и любил ли вообще читать?

Бесполезно вглядываться в фотографии. Почти и нет снимков, где генерал Власов смеется или хотя бы улыбается.

Везде тяжелое, окаменевшее, словно маска, лицо.

И везде: и на фотографиях, и в воспоминаниях – «Власов – предатель», «Власов – патриот», «Власов – изменник», «Власов – создатель Русской Освободительной Армии» – только название, только фирма, словно и не был Власов никогда живым человеком...

лия Александровича Пашкова и Антона Генриха Жомени, расположенных в ближайшем соседстве с Ломакино. Но тут же и Григорово – родина протопопа Аввакума, не так уж и далеко – Дивеево, Болдино – так много говорящие русскому сердцу названия.

Глава четвертая

Великая Отечественная война переменяла все, но и она не сумела нарушить блистательный ход карьеры генерала Власова.

22 июня 1941 года в 3 часа 00 минут генерал-майор Власов получил приказ о приведении войск в полную боевую готовность.

24 июня его 4-му механизированному корпусу¹² был отдан приказ: разгромить прорвавшуюся в районе Немировки немецкую группировку.

Приказ этот запоздал.

24 июня главная угроза исходила уже не из района Немировки.

Танковые колонны немцев нанесли удар в направлении Луцк–Дубно, угрожая расчленить войска фронта. По приказу генерал-полковника М.П. Кирпоноса 4-й и 15-й корпуса три дня вели ожесточенные бои, пытаясь прорвать оборону противника. Это им не удалось, и 1 июля начался отвод войск.

3 июля корпус генерал-майора Власова был переброшен в район Бердичева, чтобы не допустить прорыва немцев к Житомиру. Здесь сосредотачивалась довольно значительная группировка советских войск (4-й, 15-й, 16-й, 36-й, 37-й механизированные корпуса, 5-й кавалерийский корпус, 49-я стрелковая дивизия), но контрудар так и не состоялся.

Скоро корпус Власова был отведен в район Киева.

17 июля Андрея Андреевича Власова вызвал в Киев Семен Иванович Буденный.

Вспоминая все эти события через два года, Власов в своем «Открытом письме» «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» даст своим действиям достаточно высокую оценку:

«Мой корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление, но мои предложения были отвергнуты. Нерешительное, развращенное комиссарским контролем и растерянностью управление фронтом привело Красную армию к ряду тяжелых поражений. Я отводил войска к Киеву. Там я принял командование 37-й армией и трудный пост начальника гарнизона города Киева...».

«Когда мы с Кирпоносом подбирали кандидатуру на должность командующего 37-й армией, которую мы формировали для обороны Киева, – пишет в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев, – управление кадров Киевского военного округа рекомендовало нам назначить Власова».

Никите Сергеевичу почему-то запомнилось, что Власов вышел к Киеву «безлошадным». «Пришел, – пишет он, – небезызвестный Власов с кнутом, без войск».

Тут Хрущев явно путает своего читателя, и путает отнюдь не случайно.

Обстановка в Киеве была суровой, необходимо было мгновенно принимать ответственные решения, и при этом любой промах мог стать для Хрущева роковым.

Как истинный партиец, Хрущев не собирался брать на себя ответственность за назначение Власова. Он позвонил товарищу Маленкову, ведавшему кадровыми вопросами в Центральном Комитете.

– Какую рекомендацию ты мог бы дать на генерала Власова?

– Ты не можешь себе представить, что творится вокруг, – ответил товарищ Маленков, не хуже Хрущева чувствующий партийную ответственность. – Вся наша работа остановилась. У

¹² Еще одно любопытное совпадение. Власов начинал войну, командуя мех. корпусом. В конце войны, для пленения Власова тоже будет послан мех. корпус.

меня здесь нет ни одного человека, чтобы тебе помочь. Поступай так, как считаешь нужным, и бери на себя всю ответственность.

«Мне не оставалось ничего иного, как положиться на рекомендации, полученные от других военных, – сокрушенно признавался Никита Сергеевич. – Опираясь на них, мы с Кирпоносом решили этот вопрос положительно, назначив Власова командующим.

Власов взялся за дело решительно и энергично.

Он сколотил свою армию из отступающих и вырвавшихся из немецкого окружения частей и на деле доказал, что мы сделали правильный выбор. Он всегда спокойно держался под огнем, обеспечивал твердое и разумное руководство обороной Киева. Он выполнил свой долг и не позволил немцам взять Киев фронтальной атакой с ходу. И когда Киев в конце концов пал, то это произошло в результате обхода и сосредоточения немецких войск значительно восточное города. А не потому, что Власов не обеспечил жесткой обороны».

Разумеется, Хрущев был вынужден защищать Власова, но, похоже, что Власов и в самом деле не совершил никаких ошибок при обороне Киева.

Как известно, 10 августа 1941 года 37-я армия предприняла контрудар на рубеже Шуляны – Мышеловка – Корчеватое и успешно держала оборону до 15 сентября, пока танковые клинья немцев не соединились в районе Лохвицы и четыре армии (5-я, 21-я, 26-я, 37-я) не оказались в котле.

17 сентября 1941 года Военный совет 37-й армии телеграфировал:

«37-я армия в оперативном окружении. На западном берегу оборона Киевского укрепленного района 16 сентября сего года в результате наступления противника южнее Фастова прорвана, резерв исчерпан, бой продолжается. На восточном берегу, на фронте Русаково, Сваровье, Нижняя Дубыня части, оказывая сопротивление, отходят на Бровары. На юге ударом в направлении Кобринно, Борисполь, Правец противник прорвал оборону разных мелких отрядов и народного ополчения.

Угроза переправ Киеву с востока. Части в течение двадцатидневных боев малочисленны, сильно утомлены, нуждаются в отдыхе и большом свежем подкреплении. Связи с соседями нет. Фронт с перерывами. Во сточный берег без сильных резервов не удержать. Прошу указаний».

Телеграмма была адресована главнокомандующему Юго-Западного направления, но отправлена кружным – прямой связи со штабом фронта не было! – путем через Москву.

Только 18 сентября М.П. Кирпонос получил телеграмму и отдал приказ о выходе армий из окружения.

21-я армия должна была нанести удар в направлении Ромны. 2-й Кавалерийский корпус наносил удар навстречу ей с востока. 5-я Армия должна была идти следом за 21-й, нанося удар на Лохвицу. 26-й Армии предстояло прорываться в направлении Лубны.

Власову приказали выходить из окружения следом за 5-й армией в направлении Яготин – Пирятин.

В 37-й армии – штаб фронта тоже держал связь с армией через Москву! – этого приказа так и не получили, и только в ночь на 19 сентября главные силы начали сниматься с позиций.

Впрочем, если бы и получили приказ в 37-й армии вовремя, едва ли отступление оказалось бы успешней. Рассчитанный с точностью часового механизма план отхода войск не учитывал только одного обстоятельства – немцев. Они – такая неожиданность! – не собирались выпускать из кольца окруженные армии.

Пробиваться пришлось с кровопролитными боями.

20 сентября в бою погибли командующий фронтом М.П. Кирпонос, член Военного совета М.А. Бурмистренко, начальник штаба фронта В.И. Тупиков.

В письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» А.А. Власов скажет:

«В трудных условиях *моя армия справилась с обороной Киева* и два месяца успешно защищала столицу Украины. Однако неизлечимые болезни Красной армии сделали свое дело.

Фронт был прорван на участке соседних армий. Киев был окружен. По приказу верховного командования я был должен оставить укрепленный район».

Это было первое окружение для Власова.

Из этого окружения он сумел выйти.

Глава пятая

В биографии Власова без рассказа о женщинах не обойтись.

И не только ради пикантности повествования...

В отношениях с женщинами характер генерала раскрывается, пожалуй, даже глубже, нежели в боевых операциях. Отношения эти во многом определяли и его судьбу.

До войны, если не считать романа с супругой будущего генералиссимуса Чан Кайши и несовершеннолетней китайкой, Власов старался быть примерным семьянином. Сердечные увлечения были, но достаточно кратковременные и потаенные.

Все изменилось в июне сорок первого.

Власов отправил к родителям в Горьковскую область супругу и, подобно многим генералам-фронтовикам, ощутил чувство неведомой доселе свободы.

Тогда даже шутка такая появилась.

Дескать, залог мужской бодрости на войне в том, что жены не могут попрекать своих мужей за измены.

Для солдат и офицеров с передка проку от такой свободы немного, но офицеры тыла, генералы, если хотели, могли насладиться свободой.

Так было и с сорокалетним генералом Власовым.

Летом сорок первого года начинается его военно-полевой роман с двадцатичетырехлетней Агнессой Подмазенко.

В восемнадцать Агнесса первый раз вышла замуж, но, родив в 1936 году сына Юрика, с мужем разошлась. Она отдала ребенка родителям и поступила в Харьковский мединститут, который и закончила в июне 1941 года.

После выпуска ее сразу отправили на фронт.

Судя по фотографиям и по сохранившимся письмам, Агнесса Подмазенко была веселой, энергичной и «дуже гарной» дивчиной. Встретившись с «одиноким» генералом, она, как сама утверждала потом на допросах, «вышла за него замуж».

Формулировка принадлежит не следователю, подбиравшему статью для пассива генерала-изменника, а самой Агнессе Подмазенко.

Конечно, она любила Власова...

Но одно дело любовное увлечение, роман, а другое – семейные отношения. Тут уже совсем другая статья, тут уже не худо кроме любви и о себе подумать, о своем втором сыне...

Поразительно, но и в сорок третьем году Агнесса совершенно искренне считала Власова своим *законным мужем* и безропотно отсидела положенные жене изменника Родины пять лет лагерей.

Почему образованная, развитая и уже тертая жизнью Агнесса Подмазенко перепутала военно-полевой роман с официальным замужеством, понять невозможно.

Ну, а с другой стороны, совершенно определенно известно, что летом сорок первого года генералу Власову никак не с руки было заниматься бракоразводным процессом со своей супругой Анной Михайловной, тем более что он, как видно из документов, никогда и не помышлял о разводе с нею¹³.

И тем ни менее Агнесса попалась, подобно самой обыкновенной деревенской дурочке...

Видимо, Власов действительно предложил Агнессе выйти за него замуж, а когда та согласилась, сказал, что берет на себя все формальности, и через несколько дней объявил, что отношения их теперь узаконены.

¹³ 31 августа 1941 года по распоряжению А.А. Власова полевым управлением 37-й армии Анне Михайловне Власовой была послано удостоверение, что она, действительно, является женой командующего 37-й армией, генерал-майора Власова.

Будучи генералом, А.А. Власов как-то гипнотически действовал на женщин, к тому же шла война, и Агнессе в голову не пришло попросить у него какой-либо документ, подтверждающий их брак.

Тем более, что фронтовую жизнь Агнессы «муж» устроил основательно и прочно. Подмазенко была зачислена на должность старшего врача медпункта штаба 37-й армии.

Семейная жизнь «новобрачных» оказалась счастливой. Скоро Агнесса забеременела. Ребенка своего, которого благополучно родила, она назвала потом, кстати сказать, Андрюшей. Правда, показать его отцу не сумела. Тогда уже завершилась трагедия 2-й Ударной армии.

Но это впереди.

Пока же, в сентябре 1941 года, Власов вывозил молодую жену из киевского котла.

Относился он к ней заботливо и без нужды старался не волновать. Поэтому, пока ехали на штабных машинах, идущих позади частей прорыва, Агнесса и не подозревала, что они в окружении.

«Фактически об окружении немцами 37-й армии я узнала 26 сентября. Ввиду сильного обстрела дороги, по которой следовала наша колонна, ехать на машинах стало невозможно, и по приказанию Власова все машины были уничтожены в лесу между селами Березанью и Семеновкой. Тут же все разбились на небольшие группы, и каждая самостоятельно стала выходить из окружения».

Эти показания¹⁴ арестованная Агнесса Павловна Подмазенко дала 28 июня 1943 года на допросе, закончившемся ровно в полночь.

Судя по ее рассказу, в группе, с которой они выходили вместе с Власовым, было тридцать человек. Однако уже через три дня пришлось разделиться, и дальше шли втроем – Власов, Подмазенко и политрук Евгений Свердличенко.

«Следуя по лесу к селу Соснова, мы догнали одного местного жителя, возвращавшегося из деревни Помокли. Мы попросили помочь достать для нас гражданскую одежду...»

Оставив Власова и Свердличенко в лесу, я с этим гражданином зашла в село.

В Соснове мой провожатый сказал, что здесь проживает местный старый партийный работник Любченко, который сумеет обеспечить нас гражданской одеждой. Я попросила пригласить Любченко, чтобы лично с ним переговорить.

Когда пришел Любченко, я попросила его оказать помощь в приобретении гражданской одежды для двух командиров Красной армии в обмен на принесенное мною кожаное пальто и гимнастерку, а также указать безопасный маршрут следования в расположение частей Красной армии...

Переодевшись, Власов и Свердличенко зашли в Соснову, где встретились с Любченко. Они представились как командиры Красной армии, при этом политрук показал Любченко свой партийный билет.

Любченко связал Власова с партизанским отрядом, находившимся близ Сосновы в лесу, где Власов узнал, что менее опасным был путь на город Прилуки через село Черняховку, обходя населенные пункты, так как в них находились немцы. Из этого села мы ушли на следующий день, не будучи никем задержаны. Мы с Власовым ночевали здесь у одной старухи, а Свердличенко у гражданина, с которым я пришла в Соснову.

Перед уходом мы с Власовым отдали Любченко на хранение свои пистолеты и документы, за исключением удостоверений личности. Кроме этого, Власов оставил при себе партийный билет»¹⁵.

¹⁴ Полностью показания А.П. Подмазенко смотри в Приложении к этой книге.

¹⁵ Поразительно, но Власов сохранил партбилет и в немецком плену. Из протокола обыска, проведенного 13 мая 1945 года в отделе контрразведки «СМЕРШ» 13-й армии явствует, что у Власова в числе прочих документов был изъят партийный билет члена ВКП(б) № 2123998.

Как рассказывала на допросе Агнесса Павловна, вместе с Власовым и Свердличенко они благополучно добрались до Прилук, но, выяснив, что немцы уже в городе, обошли Прилуки стороной. Через Сребное, Хмелев, Смелое, Белополье вышли первого ноября к Курску, который уже готовился к эвакуации.

Отсюда их отправили в Воронеж.

В июне 1943 года следователя интересовало, не помышлял ли Власов об измене уже тогда, осенью сорок первого.

– Нет! – ответила Подмазенко. – Напротив... *Власов давал высокую оценку действиям частей Красной армии в районе Киева и заявлял, что, если бы немецкие войска не окружили Киев, они не смогли бы его взять.* Успехи немцев он рассматривал как временные и противопоставлял им исторические факты, когда при первоначальных неуспехах в войне русские выходили победителями...

Никаких отрицательных настроений он не высказывал и только желал быстрее соединиться с частями Красной армии.

Разумеется, Агнесса Подмазенко, хотя и спала в одной постели с генералом, в вопросах военной тактики и стратегии разбиралась чисто по-женски. И тем не менее, похоже, что именно так, как рассказывала Подмазенко, и мыслил командующий 37-й армии. Действительно, если бы немецкие войска не окружили Киев, они не смогли бы его взять.

Мысль необыкновенно глубокая.

Буквально ощущаешь, как ошеломила она в холодном осеннем лесу генерала Власова, рассчитывавшего, что немцы будут брать город в лоб, укладывая дивизию за дивизией перед позициями 37-й армии.

Обнимая беременную военно-полевую жену, Власов поведал ей о своем стратегическом озарении. Аля, Алик, как звал Власов Агнессу Павловну, замерла в его объятиях, впитывая в себя эту генеральскую мудрость.

Я иронизирую тут не только над Власовым.

Точно так же думали тогда и вели себя многие советские генералы.

Осенью сорок первого года они, такие умудренные и ловкие, в совершенстве изучившие штабные интриги, знавшие, *что и где* можно говорить, *как и что* нужно докладывать, не понимали и не могли понять, почему не останавливаются немецкие армии. Мысль, что имеющегося у них опыта, знаний и таланта недостаточно для этого, просто не приходила им в головы.

Впрочем, слово «опыт» здесь не вполне уместно.

Летом сорок первого года вермахтовские стратеги противоборствовали, кажется, и не генералам, а колхозным бригадирам, одетым в генеральскую форму.

Начальник Генерального штаба С.М. Штеменко пишет в своих мемуарах, что об обстановке на фронте, о положении наших и немецких войск в Генштабе зачастую узнавали не из докладов и сообщений, поступавших из армейских частей, а названивая по обычному телефону председателям сельсоветов.

Мысль, что с *такой* информацией невозможно воевать на *этой* войне, не посетила Штеменко и после победы.

«Мы и в дальнейшем, – пишет он в своих мемуарах, – когда было туго, практиковали такой способ уточнения обстановки. В необходимых случаях запрашивали райкомы, райисполкомы, сельсоветы и почти всегда получали от них нужную информацию».

Как созвучен штеменковский уровень военного мышления недоумению Власова – Подмазенко: зачем немцы окружили Киев, если, не окружив его, они не смогли бы взять город!

И обращение к истории тоже понятно.

Тут уже подсознание включилось.

Обидно, конечно дело, что своего ума, своих талантов не хватает, но ведь не где-нибудь, в России генеральствуем, а Россия – такая страна, поднатужится, родимая, прольет побольше

кровушки, но выстоит, победит немцев со всеми ихними стратегиями, не подведет своих генералов.

И еще на одно выражение Агнессы Подмазенко я бы обратил внимание:

«Власов *никаких отрицательных настроений не высказывал и только желал быстрее соединиться с частями Красной армии*».

Глагол «соединиться» тоже, как мне кажется, не Подмазенко придуман.

Власов шел по лесу с политруком и любовницей, но продолжал ощущать себя – достойное восхищения самоуважение! – некоей войсковой единицей, которая должна не просто выйти в расположение советских частей, а именно *соединиться с армией*. Хотя и не осталось ничего от 37-й армии, но *идею* армии Власов нес в себе и сам ощущал себя как бы армией.

И тут опять-таки не столь важно, как ощущал себя сам Власов. Важнее то, что именно так думали, так ощущали Власова люди, от которых зависела его дальнейшая судьба.

В том числе и Иосиф Виссарионович Сталин.

Сам Власов в разговоре с В. Штрик-Штрикфельдтом утверждал, что 10 ноября состоялась его первая встреча с И.В. Сталиным.

На прием его вызвали с Василевским и Шапошниковым.

«В кабинете стоял Сталин с короткой трубкой во рту, которую он поддерживал правой рукой, – рассказывал Власов в Берлине. – Он не поменял позы, когда мы отрапортовали о своем прибытии».

– Пожалуйста, садитесь! – коротко сказал Сталин.

Генералы поблагодарили, но остались стоять.

– Садитесь! – повторил Сталин, но генералы остались на месте.

Тогда Сталин подошел к столу и сел.

Повернувшись к Власову, он указал рукою на стул, стоящий слева от него.

Только теперь все уселись.

– Что вы думаете о положении дел под Москвой, товарищ Власов? – спросил Сталин.

– Мобилизация необученных рабочих без поддержки регулярных военных резервов бессмысленна, товарищ Сталин, – ответил Власов.

– С резервами и дурак, товарищ Власов, сумеет удержать Москву, – сказал Иосиф Виссарионович¹⁶.

Вскоре был отдан приказ о назначении Власова командующим 20-й армии.

Для Власова наступил его звездный час...

О деятельности Андрея Андреевича Власова в должности командующего войсками 20-й армии мы еще будем говорить, а пока вернемся к Агнессе Павловне Подмазенко.

В 20-й армии Подмазенко пробыла до 27 января 1942 года, пока ее не демобилизовали по беременности. Рожать она уехала к матери в Энгельс, надеясь сразу после родов вернуться на фронт к Власову.

Во всяком случае, об этом она писала Власову в феврале 1942 года.

«Андрюшенька! Родной, поздравляю тебя с годовщиной Красной Армии и желаю тебе крупных побед над фашистами. Хотелось бы в этот большой день быть рядом с тобой, чтобы еще больше чувствовать радость, пусть этот день будет днем смерти для всех фашистских захватчиков. От тебя получила только одно письмо, тебе послала много писем, пиши, милый, чаще, хотя бы несколько слов, чтобы знала, что ты здоров.

Получила от Жени две открытки и одно письмо, в котором она поздравляет тебя с победой, наградой и повышением, желает всех благ в жизни. Кроме того – привожу дословно ее

¹⁶ Если судить по сохранившимся письмам Власова, он дважды был «удостоен счастья видеть самого большого в мире человека» – 11 февраля и 8 марта 1942 года. Поэтому эпизод с ноябрьской встречей представляется вымыслом. Кроме того, судя по «Журналу посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете», 10 ноября у Сталина вообще не было приема. Не значится фамилия Власова и в другие, за исключением 11 февраля и 8 марта 1942 года, дни.

слова! – скажи Андрею Андреевичу, что он должен более внимательно относиться ко мне, пусть не забывает, что женился на тебе, не спросив моего согласия, так я могу обидеться и отнять тебя у него, скажу, что самой мне нужна, а то он ни разу мне не написал, понимаю, что „Русь от недруга спасает“, но все-таки.

Дальше она пишет о себе: „беды изумительно влияют на фигуру, стала очень «изящной»“. Я с сожалением ей ответила, что не могу этим же похвастаться. Если будет у тебя хотя бы минута свободная, черкни ей несколько слов, она послала тебе несколько открыток... Но помни, что хотя твои письма к ней и не смогут пройти моей цензуры, не вздумай написать, что ожидаешь не только встречи!

Милый, я живу сейчас только письмами. У нас тут есть одно кино, репертуар которого очень разнообразен, а именно вот уже целый сезон идет „Свинарка и пастух“. Я предпочитаю лучше перечитывать 1000 раз твое единственное письмо...

У нас есть наушники, которые иногда только трещат, но мне даже в треске слышится: „говорит западный фронт. Уничтожено бесчисленное количество фашистов, точное число подсчитывают уже несколько дней“ и т. д.

Андрюшенька! О себе пиши все, меня ведь интересуется каждая мелочь, вплоть до того, меняешь ли ты каждый день платки или предпочитаешь ходить с грязными??? Как Кузин заботится о тебе? Передай, что за неисполнение моих инструкций он понесет большое наказание. Андрюшенька! Сейчас живу только тем, что в мае буду с тобой вместе на фронте. И не думай иначе. Еще раз, или как один наш профессор говорит „исче“, пишу, что если Кузина не будет к 2–3 мая, сама добьюсь посылки на фронт. Маму оставлю с ребенком и возьму какую-нибудь женщину, чтобы мама могла справиться. Остался март и апрель, февраль я уже не считаю. Ты даже не можешь представить себе, как я скучаю и как хочу тебя видеть...

Любящая тебя твоя Аля».

Вот такое письмо.

Молодая женщина готова растерзать любого, кто усомнится: генеральша ли она, но вместе с тем и сама порою не верит, что она и на самом деле генеральша. От этого и сбои в повествовании, и клятвы в любви, перемежаемые как бы шутивными угрозами. Агнесса Павловна действительно и Власова любила, и ощущать себя генеральшей ей тоже нравилось.

Из ответных писем Власова видно, что его забавляла, а порою и восхищала та буря чувств, которая наполняла «гарную дивчину» из Харькова, готовящуюся стать матерью его ребенка. Письма Агнессы Подмазенко подбадривали его, скрашивали армейские будни, и он не жалел времени на переписку с нею.

«Дорогая Аля! Ты... унесла с собой от нас все наше веселье. Вдруг после такого шума сделалось так тихо. Какая-то пустота. Мы почти ежеминутно вспоминаем тебя, и все тебя жалеют. Врача у нас до сих пор нет. Все говорят, особенно Сандалов, который, кстати говоря, серьезно заболел – у него болят почки, что с твоим отъездом кто нас будет лечить. И представь, как только ты уехала, выходя из той хаты, в которой мы с тобой жили, поскользнулся и поранил легко себе руку, а лечить некому. Сумка есть санитарная, а тебя нет. Лучше бы было наоборот. Птица и та без тебя улетела... Дорогая Аля! Прошу тебя, не волнуйся и будь здорова – это тебе крайне необходимо. Не забывай, что это надо прежде всего для нашей дорогой крошки. Я здесь буду бить фашистскую сволочь и гнать ее на запад. Мое отношение к тебе знаешь. Я свою жизнь посвятил тебе, моей спасительнице от смерти, а ты делай, как тебе лучше. Тов. Кузин рассказывал мне все подробно, как ты уезжала. Мне было приятно, и я несколько раз заставлял его повторять одно и то же милое – хорошее о тебе. Теперь жду письма от тебя. Не ожидая письма с места, пишу тебе уже письмо. Передай самый большой и искренний привет от меня маме и папе, Юрику. Юрику скажи, что я ему привезу самую настоящую фашистскую шашку. Привез бы и пушку, которые отбиваем у фашистов, но они очень тяжелы – не донесешь...

Дорогая Аля, написал бы еще, да вся ручка кончилась. Вот Кузин опять исправил. Продолжим дальше в другом письме, а пока целую крепко и много раз любящий тебя – твой Андрюша.

P.S. Смотри, не изучай немецкий язык, как раньше, с капитаном, а то приеду, будет тебе нагоняй на орехи. Ну, всего.

*Целую
твой Андрюша».*

Агнесса Подмазенко, получавшая письма от Власова, не могла знать, что генерал отправлял примерно такие же письма и своей законной супруге.

«Дорогая Аня!.. Я тебя прошу, будь мне верна. Я тебе до сих пор верен. В разлуке с тобой люблю тебя крепче прежнего. Все плохое позабыл. Вернее, плохое с моей стороны. Ты для меня всегда была святая, и сейчас надеюсь и уверен, что в эти дни, когда мы переживаем опасность ежеминутно, ты всегда и всюду будешь только моя и больше ничья. Больше мне ничего не нужно. Итак, ответы жду немедленно. До скорого свидания. Целую тебя крепко и много, много раз свою милую дорогую Аню. Твой всегда и всюду любящий тебя Андрюша».

Невероятно, но это письмо написано в тот же день, что и письмо к Агнессе Подмазенко. Как это говорил Власов?

Дескать, «написал бы еще, да вся ручка кончилась. Вот Кузин опять исправил. Продолжим дальше в другом письме».

Вот Власов в другом письме и написал.

И не только 28 февраля 1942 года.

По датам сохранившихся в архиве писем можно установить, что 2 марта 1942 года Власов отправил письмо законной супруге, а 3 марта – Подмазенко. 4 и 5 марта написаны еще два письма Агнессе Павловне, но 6 марта – Анне Михайловне Власовой. 17 марта – Подмазенко. 18 марта – одновременно и Подмазенко, и Власовой. 2 апреля – Подмазенко, а 20 апреля – Власовой. Зато 26 марта – сразу три письма – два Подмазенко и одно Власовой. А вот 17 мая, наоборот, два письма – Власовой и только одно Подмазенко.

Жену Власов в своих письмах называл «Аником», Подмазенко – «Аликом», себя – «Андрюшей».

Андрюшей и ощущал себя сорокалетний генерал-лейтенант, по крайней мере, в те минуты, когда писал письма.

К сожалению, ответных писем Анны Михайловны не сохранилось совсем, и мы так и не знаем, сумел ли Власов воинскими подвигами и письмами, наполненными словами любви, растопить обиду, нанесенную супруге своим романом 1937 года.

Судя по письмам самого Власова, если ему и удалось растопить ледок в отношениях с женой, то не до конца.

Но это, конечно же, не вина Власова. Он делал все, чтобы восстановить прежние отношения. Он посылал письма своей супруге в конвертах, на которых был изображен идущий в атаку танк.

Сам Власов напористостью и незамысловатостью на этот танк и походил. Действовал он умело, уверенно, требовательно. Не стеснялся, когда нужно было солгать. Не скромничал, когда можно было вы звать сочувствие к себе, как к герою – защитнику Родины.

Вот его письмо Анне Михайловне Власовой...

«Прежде всего спешу сообщить тебе, что наши дела на фронте идут успешно: бьем фашистов без отдыха... В газетах ты, наверное, уже прочитала – поздравь меня с присвоением оче-

редного звания. Правительство и партия нас награждает за наши даже незначительные дела и ценит нас – это очень дорого.

Дорогая Аня! Ты, наверное, думаешь, что мне пишут из Ленинграда. Искренно уверяю тебя, как мы расстались с тобой, никто мне ничего не писал, да и я никому не писал, поэтому судьбу их не знаю...

Я тебя прошу, будь мне верна. *Я тебе до сих пор верен* (Курсив мой. – Н. К.). В разлуке с тобой люблю тебя крепче прежнего. Все плохое позабыл. Вернее, плохое с моей стороны...

Если еще сердиться на меня за что, прости. Я считаю, что своей честной работой, борьбой я это уже заслужил – раньше не просил.

Напиши мне скорее искренно – по-прежнему ли любишь меня крепко и глубоко. Я только этого одного и хочу от тебя теперь услышать...

Итак, ответы жду немедленно.

До скорого свидания. Целую тебя крепко и много, много раз, свою милую дорогую Аню. Твой всегда и всюду любящий тебя Андрюша».

В письмах к А.М. Власовой и А.П. Подмазенко Андрей Андреевич как бы в шутку изображает из себя этакого комсоставовского Отелло. Но, похоже, что ему и не нужно было очень сильно напрягаться для этого, поскольку он и на самом деле был ужасным ревнивцем.

Похоже, что в 1937 году «ндравная» Анна Михайловна Власова объявила мужу, что ему еще придется пожалеть о своей измене. Тогда Власов не решился перечить разгневанной супруге, но теперь, когда «своей честной работой, борьбой» заслужил прощение, он доходчиво разъясняет супруге, что имеет право надеяться на ее верность.

Интересно, что особенно сильный приступ ревности к законной супруге Ане Власовой овладел генералом, когда он, с нетерпением ожидая разрешения от беременности Али Подмазенко, ласкал в постели Машу Воронову.

«Ты для меня всегда была святая, – написал он законной супруге 2 февраля 1942 года. – И сейчас надеюсь и уверен, что в эти дни, когда мы переживаем опасность ежеминутно, ты всегда и всюду будешь только моя, и больше ничья».

С юношеской пылкостью сорокалетний генерал-лейтенант требует от жены «немедленного» ответа: «Напиши мне скорее искренно – по-прежнему ли любишь меня крепко и глубоко. Я только этого одного и хочу от тебя теперь услышать. Больше мне ничего не нужно. Итак, ответы жду немедленно».

По-видимому, письма жены не убедили Власова в крепости и глубине ее любви, и подозрения вспыхнули в нем с новой силой. Повод для подозрений комсоставовскому Отелло дал обратный адрес супруги.

С завидной настойчивостью, из письма в письмо, допытывается Власов, почему жена не дает ему адреса, по которому проживает на станции «Сорочинская», а принуждает писать «До востребования»...

«14.02.42. Почему ты не хочешь, чтобы я писал к тебе на квартиру? А? Пиши скорее ответ».

«02.03.42. Дорогой и милый Аник! Ты очень мало пишешь о себе. Как ты живешь? В твоих письмах все время я читаю о других, а о тебе очень мало. Мне разве не интересно знать, как ты живешь. В одном письме я уже тебя спрашивал, почему ты мне не разрешаешь писать тебе письма прямо на квартиру, а до востребования на почту. Может быть, тебе так удобнее? Напиши мне подробно, как ты живешь и проводишь время».

«06.03.42. Я много пережил, и дороже тебя у меня и не было, а сейчас и нет на свете. Ты у меня одна. Я тебе уже писал, почему ты мне не разрешаешь писать на твою квартиру – я не знаю, – ты до сих пор мне не ответила. Пойми, что ты у меня осталась одна. Больше у меня нет никого».

Видимо, Анну Михайловну возмутили подозрения мужа, и она, похоже, написала ему об этом, но Власова это не успокоило:

«18.03.42. Милый Аник! Ты все же мне не ответила, почему лучше писать тебе до вос-
требования, а не на квартиру? Ну, ничего. Я это просто так. Еще раз крепко обнимаю и при-
жимаю к своей груди и крепко и много раз целую свою дорогую и милую Аню. Смотри, не
волнуйся и не забывай меня. Ладно».

Обманываться тут примирительным тоном Власова не следует. «Ладно» у Андрея Андре-
евича Власова далеко не всегда «ладно», «просто так» – очень даже не «просто».

Власов не отказывается от своих подозрений, а только делает вид, что отказывается. И
молчать он готов, но только потому, что у него уже созрел другой план, он решил переме-
стить супругу со станции «Сорочинской» в родное село на Волге, где она будет находиться под
надежным надзором односельчан.

Последние письма Андрея Андреевича к жене почти целиком о переезде...

Есть много косвенных свидетельств, что Власову, хотя это и происходило в трагические
дни гибели 2-й Ударной армии, все-таки удалось осуществить свой план перемещения жены в
село Ломакино на Волгу. Похоже, что он посылал своего адъютанта Ивана Петровича Кузина
на станцию «Сорочинскую», и тот перевез супругу генерала в родное село.

Во всяком случае, 18 июня 1943 года на допросе в НКВД майор Кузин уверенно назвал
новый адрес законной жены генерала Власова.

– Настоящая жена Власова, – сказал он, – Власова Анна Михайловна, проживает – Горь-
ковская область, Гагинский район, село Ломакино.

Очень любопытное совпадение...

Анну Михайловну Власову муж определил жить в селе Ломакино Горьковской области.
А в самом городе Горьком, как это показал на допросе Кузин, жил в эвакуации последний муж
его последней военно-полевой жены – Марии Игнатьевны Вороновой.

Когда Кузин перевез в Ломакино супругу генерала, он – поручение Марии Игнатьевны? –
навестил и ее гражданского мужа, Митрофана Логвинова. Во всяком случае, на допросе в
НКВД И.П. Кузин уверенно назвал его адрес – город Горький, автозавод, поселок Гнилища,
ул. 1 Мая.

Если мы вспомним, что и Агнесса Павловна Подмазенко разместилась в Саратове, слова
Власова жене: «*Главное – это то, что ты будешь жить недалеко все же от меня*», – обретают
особый смысл.

Ведь что значит – *недалеко от меня*?

От волховских болот, где погибала тогда 2-я Ударная армия, возглавляемая отважным и
ревнивым генералом Власовым?

Конечно же, нет.

«От меня» тут – это «от меня будущего».

Власов устраивал свою будущую, состоявшую из многочисленных жен семью по-кре-
стьянски расчетливо и удобно для проживания.

Заметим, что упрек майора И.П. Кузина, говорившего, дескать, Власов «был очень щед-
рый на государственные средства для расходования на свои личные нужды и экономный на
свои личные», кажется нам не вполне оправданным.

У Андрея Андреевича Власова было так много жен, что никаких личных средств на них
не могло хватить. Тем более что Власов никогда не уклонялся от хозяйственных забот своих
супруг, независимо от того, законные это или незаконные – и супруги, и заботы! – были.

Разумеется, тут приходилось проявлять и экономность, и определенную изворотливость.

«14 февраля 1942 г. Дорогая и милая Аля (Подмазенко. – *Н. К.*), я видел у Чижма¹⁷ два твоих чемодана. Приму меры к отправке их тебе с первой возможностью»...

«2 марта 1942 г. Дорогой и милый Аник (Власова. – *Н. К.*)! Я прошу тебя, напиши, что тебе нужно к весне, и я тебе все вышлю с попутчиком. Я, наверное, на днях получу для тебя туфли, и еще кое-что я тебе заказал, что поближе от меня»...

«6 марта 1942 года. Дорогая и милая Аня (Власова. – *Н. К.*)! Ты пишешь, что в посылке не хватило 2 кг весу и что там не оказалось мыла. Это мы виноваты, поэтому всю ругань твою мы принимаем на себя. Получилось так, что у нас весов не было, и мы вес написали на глазок, вот и ошиблись на 2 кг, а мыло мы запаковали во вторую посылку. Боялись, что мыло испортит то, что мы тебе запаковали... Теперь об аттестате... Я аттестат скоро тебе вышлю новый, по которому ты будешь получать деньги, начиная с мая месяца. Милый Аник, ты у меня очень скромна. Я тебя серьезно прошу, напиши мне, хватает тебе денег или нет. Мне, кажется, ты очень много рассылает денег родным, в частности и дедушке. Ну, посуди сама – куда ему деньги?»...

И не только деньги и продукты делил между своими женами Андрей Андреевич, но и все свои успехи и радости.

«Дорогая и милая Аличка (Подмазенко. – *Н. К.*)! Я на днях был у Маруси Чижма. Меня вызывал к себе самый большой и главный хозяин. Представь себе, он беседовал со мной целых полтора часа. Сама представляешь, какое мне выпало счастье.

Ты не поверишь, такой большой человек и интересуется нашими маленькими семейными делами. Спросил меня: где моя жена и вообще о здоровье. Это только может сделать ОН, который ведет нас всех от победы к победе. С ним мы разобьем фашистскую гадину».

«Я на днях был у Тани¹⁸ проездом. Меня вызывали туда по делу. Ты не поверишь, дорогая Аня (Власова. – *Н. К.*)! Какая радость у меня в жизни. Я беседовал там с самым большим нашим Хозяином. Такая честь выпала мне еще первый раз в моей жизни.

Ты представить себе не можешь, как я волновался и как я вышел от него воодушевленным. Ты, видимо, даже не поверишь, что у такого великого человека хватает времени даже для наших личных дел. Так верь, он меня спросил, где у меня жена и как живет. Он думал, что ты в Москве. Я сказал, что далеко, поэтому в Москве и часу останавливаться не буду, а поеду обратно на фронт. Дело не ждет».

«Алик (Подмазенко. – *Н. К.*)! Ты все же не поверишь, какое большое у меня счастье. Меня еще раз принимал самый большой человек в мире. Беседа велась в присутствии его ближайших учеников¹⁹. Поверь, что большой человек хвалил меня при всех...»

«Дорогой и милый Аник (Власова. – *Н. К.*)! Ты не поверишь, как я счастлив. Самый большой человек в мире еще раз говорил со мной в присутствии его ближайших учеников. Какая радость. И представь, из его уст услышал похвалу о самом себе»...

И разве его вина, что там, где обласканный И.В. Сталиным Андрей Андреевич Власов устроил своих законных и незаконных жен, и арестовали их?..

Оттуда и началось странствие по лагерям Анны Михайловны Власовой...

Агнесса Павловна Подмазенко хотя и попыталась затаиться, когда дошли до нее слухи об измене Андриюши²⁰, но взяли и ее.

¹⁷ Мария Романовна Чижма, знакомая А.П. Подмазенко, жила в Москве в Чудовом переулке.

¹⁸ Тania и Коля – родственники Анны Михайловны Власовой, проживавшие в Москве в Теплом переулке.

¹⁹ «О том, что Власов попал в окружение противника, я узнала из письма работника полевой почты № 1550 Затравкиной, по лученного мною в декабре 1942 года. В этом письме Затравкина сообщила, что Власов уже 6 месяцев находится в окружении противника, и что адресованные ему письма направляются на базу ППС № 64», – показывала А.П. Подмазенко на допросе.

²⁰ Власов имеет ввиду совещание у Сталина 8 марта 1942 года, на котором он присутствовал с К.Е. Ворошиловым, В.М. Молотовым, Л.П. Берией, Г.М. Маленковым, Б.М. Шапошниковым, А.М. Василевским, П.Ф. Жигаревым, А.М. Новиковым, А.Е. Головановым.

А вот Мария Игнатьевна Воронова к мужу в город Горький не поехала, но ее тоже арестовали в белорусском городе Барановичи.

Но это тоже еще далеко впереди...

Удивительно, но столь напряженная борьба за любовь и верность своей законной супруги нисколько не отвлекала Андрея Андреевича от заботы об Агнессе Павловне Подмазенко, готовившейся в Саратове стать матерью его первенца.

«Дорогой Алик! – исповедовался генерал возлюбленной 21 февраля 1942 года, сразу после ее демобилизации из армии. – Много бы я тебе написал, но помнишь, я тебе однажды говорил, что вот ты сейчас со мной и мы говорим так обыденно, а настанет время, и поговорил бы с тобой, а тебя и не будет. И вот сейчас это время у меня настало.

Много хочется сказать, а вернее, почувствовать тебя вблизи себя, а тебя нет. Но я прошу тебя – не скучай, не волнуйся и, главное, береги свое здоровье. Ведь ты сама знаешь, что за последнее время ты стала немного нервная...

А мы здесь будем бить фашистскую сволочь и мечтать о нашем хорошем будущем. Мне кажется, оно уже и не так далеко.

Разобьем фашистов – заживем еще лучше, чем в деревушке».

Утешая свою беременную военно-полевую жену, Андрей Андреевич Власов не жалеет сильных слов и не избегает некоторых преувеличений.

«Я тебя жду всегда и, если я для тебя воздух, то ты для меня кислород», – уверяет он возлюбленную 3 марта.

И все бы хорошо, но вот, утешая беременную женщину, проговорился генерал, что «Маруся-повар оказалась на высоте своего дела», и кончилась его спокойная жизнь!

Агнесса Подмазенко, разумеется, не могла постигнуть своим женским умом всю глубину матримониального маневра генерала Власова²¹, но тактический промах генерала она уловила мгновенно и сразу различила опасность...

И напрасно теперь Власов пытался усыпить ее бдительность сообщениями о наградах, которые он выхлопотал: «Дорогая Аля! Теперь разреши поздравить тебя с высокой правительственной наградой – медалью за отвагу. Ты теперь обогнала тов. Кузина: он имеет медаль за боевые заслуги, а ты уже сразу получила вторую: „За отвагу“... Кроме того, скоро ожидает тебе и очередное звание... Еще раз поздравляю – ты ее заслужила...».

Напрасно выставлял генерал дымовые завесы вокруг своей новой военно-полевой жены: «Мы живем в маленькой деревушке старым колхозом: я, Маруся, Кузин, Хохлов, Воробьев. Маруся нас не обижает и кормит хорошо. Вот и сейчас стоит тут рядом и просит, чтобы я тебе от нее написал привет, что я и исполняю. Твои приказания все исполняются в точности. За этим следит Кузин. Но дорогой Алик! Все это не то. Я уже неоднократно тебе писал, что ты увезла с собой от нас много веселья».

Ни правительственные награды, выхлопанные Власовым, ни преувеличенное дружелюбие Марии Вороновой не обманули Агнессу Павловну. Она чувствовала опасность, исходящую от Маруси, и понимала, что Маруся пытается занять или уже заняла место «походно-полевой жены» при ее генерале.

Боевая операция, которую Агнесса Павловна развернула против своей соперницы и изменщика генерала, по изощренности достойна войти в анналы женской мести.

Агнесса Павловна, сообщив обожаемому генералу о рождении у него ребенка (она родила сына), так и не сообщила ему о его поле.

Напрасно Власов штурмовал ее письмами, то грубовато, с наскока: «Привет маме, папе, Юрику и маленькому Андрюше – так что ли?» (26.04.42), то умоляюще, почти капитули-

²¹ Признаемся, что и мы, хотя и располагаем большей, чем Агнесса Павловна Подмазенко, информацией, тоже не можем понять, как же все-таки собирался устроить свою семью после войны Андрей Андреевич Власов.

руя: «Я волнуюсь. Что у тебя? Сын? Дочь! Не мучь, скорее пиши» (10.05.42), то уже безнадежно-отчаянно, прощаясь навсегда: «Привет и поцелуй маме, папе и Юрику, а также маленькому, не знаю, как его зовут, но знаю, что он очень хороший и любим мной и тобой» (17.05.42).

Напрасно...

Агнесса Подмазенко была неумолима, и, похоже, генерал так и остался в неведении, отцом кого он является.

Но – увы! – и этот первоклассно задуманный и неумолимо осуществленный маневр не принес Подмазенко столь чаемой победы.

Власов не расставался со своими женщинами.

Не расстался он и с Марусей Вороновой.

Была новая спутница Власова на восемь лет старше Агнессы, специальность тоже имела другую – повар. Но это не помешало Марии Вороновой, подобно Агнессе, в самом начале своей армейской службы захватить постель генерала Власова и укрепиться в ней.

С Марией Игнатьевной Вороновой отбыл Власов на Волховский фронт.

С Марией Вороновой отправился в уже окруженную немцами 2-ю Ударную армию.

С Марией Вороновой пытался выйти из окружения, как некогда выходил из окруженного Киева с Агнессой Подмазенко.

Впрочем, рассказ об этом впереди, а пока, завершая рассказ о женщинах советского генерала Власова, скажем, что жизнь Андрея Андреевича на войне была по-мужски яркой и насыщенной.

Хотя, конечно, были в этой жизни не только женщины...

Глава шестая

«Начальнику Главного управления кадров Красной армии.

Генерал-майор Власов сможет быть направлен не ранее 25–26 ноября в связи продолжающимся воспалительным процессом среднего уха. Начальник штаба ЮЗФ Бодин. Зам. нач. военсанупра ЮЗФ Бялик – Васюкевич».

Эта телеграмма была отправлена, когда уже вовсю шло формирование 20-й армии, командующим которой 20 ноября был назначен генерал-майор Власов.

Прогноз докторов оказался неверным.

Власов продолжал болеть и 4 декабря 1941 года, когда закончилось сосредоточение войск, и 6 декабря, когда 20-я армия получила приказ наступать на Солнечногорск.

Не было Власова в армии и 10 декабря, когда войска вышли на рубеж Векшино-Никольское.

И хотя центральные газеты 13 декабря сообщили, что «войска генерала Власова, преследуя 2-ю танковую и 106-ю пехотную дивизии противника, заняли город Солнечногорск», но Солнечногорск 12 декабря 1941 года 20-я армия тоже брала без Власова.

Через полтора года, составляя «Открытое письмо», Андрей Андреевич Власов позабудет о своей болезни.

«После выхода на окружения, – напишет он, – я был назначен заместителем командующего Юго-Западным направлением, а затем командующим 20-й армией. Формировать 20-ю армию приходилось в труднейших условиях, когда решалась судьба Москвы.

Я делал все от меня зависящее для обороны столицы страны. 20-я армия остановила наступление на Москву и затем сама перешла в наступление (Курсив мой. – Н. К.). Она прорвала фронт Германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Каховскую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему Московскому участку фронта, подошла к Гжатску».

По забывчивости Власов несколько преувеличил роль 20-й армии.

Кроме того, судя по воспоминаниям начальника штаба 20-й армии генерал-майора Л.М. Сандалова, Андрей Андреевич вообще прибыл в армию, только когда та уже вышла на подступы к Волоколамску.

«В полдень 19 декабря в г. Чисмены начал разворачиваться армейский командный пункт. Когда я и член Военного совета Куликов уточняли на узле связи последнее положение войск, туда вошел адъютант командующего и доложил нам о его приезде. В окно было видно, как из остановившейся у дома машины вышел высокого роста генерал в темных очках. На нем была меховая бекеша с поднятым воротником, обут он был в бурки. Это был генерал Власов. Он зашел на узел связи, и здесь состоялась наша первая с ним встреча.

Показывая положение войск на карте, я доложил, что командование фронта очень недовольно медленным наступлением фронта и в помощь нам бросило на Волоколамск группу Катукова из 16-й армии. Куликов дополнил мой доклад сообщением, что генерал армии Жуков указал на пассивную роль в руководстве войсками командующего армией и требует его личной подписи на оперативных документах.

Молча насупившись, слушал все это Власов. Несколько раз переспрашивал нас, ссылаясь, что из-за болезни ушей он плохо слышит. Потом с угрюмым видом буркнул нам, что чувствует себя лучше и через день-два возьмет управление армией в свои руки полностью. После этого разговора он тут же на ожидавшей его машине отправился в штаб армии, который переместился в Нудоль-Шарино»²².

²² Апологеты генерала Власова, основываясь на сводке Совинформбюро от 13 декабря 1941 года и интервью, которое

20 декабря Волоколамск был освобожден.

В последующие дни немцы предприняли ряд мощных контратак, но все они были отражены.

Наступление на западном стратегическом направлении, завершившееся в начале января 1942 года, было первым серьезным успехом Красной армии в ходе войны. Советские войска вышли на рубеж Селижарово – Ржев – Боровск – Мосальск – Белев – Мценск – Новосиль, отбросив немцев на двести километров от Москвы.

И.В. Сталин, которому до этого приходилось ломать голову, *как* наказывать генералов, теперь осыпал их наградами, званиями и почестями.

Вместе с другими чествовали и Андрея Андреевича Власова.

«УПРАВЛЕНИЕ ВОЕНТОРГА ЗАПАДНОГО ФРОНТА

29 декабря 1942 г.

С НОВЫМ ГОДОМ.

Командующему армией генерал-майору тов. ВЛАСОВУ

АССОРТИМЕНТ НОВОГОДНЕЙ ПОСЫЛКИ-ПОДАРКА ОТ ВОЕННОГО СОВЕТА ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Икра 0,5 кг.

Балык 1,0 кг.

Шоколадный набор 5 кор.

Шоколад 5 плиток.

Какао 2 бан.

Вино 1 бут.

Яблоки 2,0 кг.

Коньяк 6 флак.

Лимоны в сахаре 1 банка.

Папиросы 10 кор.

Мыло туалетное 2 куска.

Паста зубная 2 тюбика.

Одеколон 1 флакон.

Белье простое 2 пары.

Белье шелковое 1 пара.

Свитер 1 шт.

Носки шерстяные 2 пары.

Данная посылка приготовлена по приказанию Военного совета Западного фронта.

НАЧАЛЬНИК ВОЕНТОРГА ЗАПАДНОГО ФРОНТА Интендант 1-го ранга Хотинский».

Икрой, балыком и коньяком награды, разумеется, не ограничились.

Перед Новым годом, 31 декабря 1941 года, газета «Известия» опубликовала на первой полосе статью «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы». Внизу были помещены фотографии девяти отличившихся генералов. Фотография в нижнем ряду запечатлела генерала Власова.

Власов дал 16 декабря 1941 года, пытаются опровергнуть свидетельство начальника Штаба 20-й армии генерал-майора Л.М. Сандалова. Ссылаются они при этом и на приказы, подписанные Власовым, забывая, правда, уточнить, что приказы эти датированы второй половиной декабря 1941 года и началом 1942 года.

6 января 1942 года Андрею Андреевичу Власову присвоили звание генерал-лейтенанта, 1 февраля наградили орденом Красного Знамени, а 11 февраля он был удостоен персональной аудиенции И.В. Сталина, которая продолжалась с 22 часов 15 минут до 23 часов 25 минут (1 час 10 минут!).

Икра, ордена, балыки, звания и слава доставались Власову, если судить по воспоминаниям Леонида Михайловича Сандалова, за сражения, которые выигрывала армия, пока генерал лечил свое ухо...

И соблазнительно, забегая вперед, провести аналогию с трагедией 2-й Ударной армии, виновником гибели которой тоже был не Власов. А после порассуждать, насколько условна вообще персонификация побед и поражений на войне. Увы... Очень часто успешным становится не тот генерал, который выигрывает сражения, а тот, который умеет приписать себе победу.

Аналогии и рассуждения эти напрашиваются, ибо они отражают реальность военно-бюрократической машины, где и генералы, командующие армиями, порою так же невольны в своих решениях, как и рядовые бойцы.

И все же, понимая это, необходимо удержаться на зыбкой границе обобщения и не впасть в еще большую неправду о войне, чем та, которую долгое время навязывали нам.

Все-таки были и у нас генералы, которые сами, вопреки объективным условиям, вопреки инерции бюрократической машины, определяли исход той или иной операции.

Их было немного, их смело можно назвать исключениями из общего правила, но это именно они сформировали то стратегическое мышление, которое по-настоящему заработало только в сорок четвертом году и которое привело нас к Победе.

Разумеется, московское контрнаступление не давало никакого повода для разговоров о стратегии. Роль генералов, командовавших армиями в этом сражении, когда, навалившись всей тяжестью, километр за километром выдавливали немцев, оттесняя от Москвы, была столь обезличена, что не имело особого значения, кто, Сандалов или Власов, командует армией.

Медленно ползла вперед армия, когда приказы подписывал Сандалов, медленно продвигалась она, когда принял командование Власов. Столь же медленно наступали и другие армии. Скорость иногда увеличивалась, но только за счет вливаемых в армии резервов.

Перед началом Волоколамской операции²³ 20-ю армию усилили двумя стрелковыми бригадами, пятью артиллерийскими полками, двумя дивизиями «катюш», 2-м гвардейским кавалерийским корпусом с танковой бригадой и пятью лыжными батальонами.

7 января Власов утвердил план операции. Армия должна была наступать на Шаховскую в двадцатикилометровой полосе. Начало планировалось на 9 января.

Из-за сильного снегопада авиация не поддержала войска, но 10 января в 9.30 после арт-подготовки дивизии пошли в атаку и продвинулись вперед на два километра.

11 января – еще на три.

12 января Власов приказал ввести в прорыв кавалерийский корпус, но Жуков отменил его приказ до прорыва обороны на всю тактическую глубину. Только к вечеру армии удалось пробиться на глубину в семь километров.

Но и дальше наступление развивалось столь же мучительно трудно. В день преодолевали не более пяти километров, а 25 января вышли к Гжатским оборонительным позициям и здесь, у «линии фюрера», остановились.

Прорывать ее наличными силами было уже невозможно.

Это понимал Власов, это понимали и в Ставке.

²³ Она именовалась «наступательной армейской операцией в зимних условиях по принципам теории глубокой операции».

По своим масштабам московское контрнаступление имело скорее политическое, нежели военное значение. Но опять-таки по политическим соображениям приказано было считать его выдающейся победой.

Так и считали...

Вот боевая характеристика на генерал-лейтенанта Власова, выданная 28 января 1942 года:

«Генерал-лейтенант Власов командует войсками 20-й армии с 20 ноября 1941 года.

Руководил операциями 20-й армии: контрударом на город Солнечногорск, наступлением войск армии на Волоколамском направлении и прорывом оборонительного рубежа на реке Лама.

Все задачи, поставленные войскам армии, тов. Власовым выполняются добросовестно.

Лично генерал-лейтенант Власов в оперативном отношении подготовлен хорошо, организационные навыки имеет. С управлением войсками армии – справляется вполне.

Должности командующего войсками армии вполне соответствует».

Под этой характеристикой – подпись командующего войсками Западного фронта генерала армии Жукова.

Георгий Константинович Жуков – человек не сентиментальный. Если требовалось, он не жалел ни солдат, ни генералов.

Как свидетельствует бывший адъютант А.А. Власова майор И.П. Кузин, в отношениях Г.К. Жукова с Власовым порою возникали трения.

«Я слышал разговор Власова по прямому проводу с командующим фронтом т. Жуковым, – сообщил он в органы. – По разговору я понял, что тов. Жуков ругал Власова. Власов разговаривал вызывающе и бросил реплику: „Может, армию прикажете сдать?“, – а потом добавляет, что он лично назначен тов. Сталиным, и, когда кончился разговор, он свою злобу вылил в форме мата по адресу тов. Жукова.

Кроме того, когда поступали распоряжения из фронта и их докладывали Власову, то он смотрел поверхностно и вставлял слова, что, сидя от фронта за 100 км, можно рассуждать, а здесь надо делать.

В феврале 1942 г. тов. Жуков прибыл в 20-ю армию и после своей работы решил остаться ночевать, а потом изменил свое решение и ночью выехал. После отъезда тов. Жукова Власов в виде шутки высказывал, что он начальству рассказал, что Штаб армии подвергается артиллерийскому обстрелу каждый день, и начальство не замедлило с выездом.

Несколько раз я слышал, что Власов рассказывал т. Сандалову и другим о тов. Жукове, что тов. Жуков просто выскочка, что он способностей имеет меньше, чем занимает положение, и что Власов знает тов. Жукова по работе в дивизии.

Когда Власова наградили, тов. Жуков прислал поздравительную телеграмму, Власов прочел и высказал, что тов. Жуков не ходатайствовал о награждении, это помимо его сделано, что тов. Жуков помнит Власову за инспекцию дивизии».

Необходимо, конечно, отсечь излишнюю пристрастность и стремление майора Кузина во что бы то ни стало реабилитироваться в глазах Особого отдела.

И все равно многое в информации И.П. Кузина соответствует действительности.

И стычки у Власова с Жуковым были. И мат по поводу и без повода, и зависть, и генеральское хамство.

Тем не менее Власову Жуков дал положительную характеристику.

Значит, считал, что Власов справляется с обязанностями командарма. И еще – это, наверное, тоже понимал Жуков, – лучших генералов не было тогда в армии, и не из чего было выбирать.

Здесь мы опять возвращаемся к вопросу, не чернят ли светлую память великого русского полководца подобные факты биографию? Надо ли вспоминать это?

Мы убеждены, что говорить необходимо.

Если же скрывать подобные факты, если обходить их молчанием, открывается простор для спекуляций, действительно, на наш взгляд, оскорбляющих память и Г.К. Жукова, и всех фронтовиков.

«Власов с Жуковым знаком по меньшей мере с 1929 года по совместной учебе на курсах „Выстрел“: Власов окончил их в 1929 году, а Жуков в 1930 году – как говорится, однокашники. В 1939 году Власов находился в качестве руководителя группы военных советников в Китае, главного военного советника Чан Кайши, в момент, когда Китай вел смертельную борьбу с японскими захватчиками. В 1939 году Г.К. Жуков назначается командующим 1-й армейской группой советских войск в Монголии, проводит там блестящую операцию по окружению крупной группировки японских войск и уничтожает ее в районе реки Халхин-Гол, то есть *Жуков в открытом бою*, с применением танков и самолетов, артиллерии и всех видов стрелкового оружия *бьет врага на севере*, Власов *с линии невидимого фронта*, невидимым для противника оружием, *бьет того же врага с юга*.

Разве не точно так же распределил Сталин роли Жукова и Власова в другой войне – Великой Отечественной? Разве не держал Жуков точно такой же фронт против немцев, какой он держал против японцев в 1939 году, а в это самое время разве не держал Власов против немцев точно такой же фронт, какой он держал против японцев в 1939 году? Полный разгром японцев Жуковым и Власовым в 1939 году заложил победу над немцами под Москвой в 1942 году. Жуков и Власов отбили охоту у японцев ходить на север (вот это да! – Н. К.) за „зипунами“. Промышлять они решили на юге. Сибирские и уральские дивизии были мгновенно переброшены под Москву и за минуту до ее падения спасли столицу.

В 1939 году Сталин поделил победу над японцами на двоих: Жуков становится Героем Советского Союза, Власов получает высший орден СССР – орден Ленина. Героем Советского Союза Власов не был объявлен только потому, что у этой „игры“ совсем иные правила. С повышением уходят и тот, и другой. После разгрома японцев в 1940 году Жуков оказывается командующим Киевского Особого военного округа, а с января 1941 года он – начальник Генерального штаба, заместитель наркома обороны СССР. Спрашивается, мог ли Жуков в самый напряженный момент битвы под Москвой „потерять“ командующего армией, которая находится на решающем участке битвы? Мог ли он „потерять“ по своей вине однокашника, своего любимого комдива, любимого командира мехкорпуса, полковника, которого он сделал генерал-майором, а все это вместе и называется одним словом – друг, а еще сильнее – боевой товарищ? Мог. Запрос в Главное управление кадров Жуков делает потому, что встревожен, куда делся Власов, озабочен тем, что 20-я армия начинает „дело“ без командующего. Жуков, видимо, просто отказывается понимать, что происходит вокруг Власова, что может быть вообще более важного и ответственного, чем происходящее в эти часы на полях Подмосковья, где решается судьба Москвы, а многим казалось, и судьба всей страны? Оказывалось, было нечто, что было важнее и значимее, чем все это. Отшлифовывались последние „абзацы“, „легенды“, с которой Власов должен был уходить к немцам».

К разбору процитированного сочинения господина Филатова мы еще вернемся, а пока отметим, что насильственное, искусственное сближение человека, изменившего Родине, и человека, которого, как ни крути, мы с полным правом называем среди спасителей ее, оскорбительно.

Оскорбительна и попытка поделить заслуги Жукова. И с кем? С Власовым...

Конечно же, буйная фантазия генерала Филатова – продукт наших дней, точно так же как и сам генерал Филатов – продукт нашего времени. Он придумывает, но ведь и он сам со своими генеральскими звездами рожден не на полях сражений, а тоже придуман в чиновничьих коридорах.

Ну, а талант таких стратегов и организаторов, как Жуков, в том и заключается, что они всегда размещают свои проекты в пределах возможного, в той реальности, с которой приходится иметь дело.

Георгий Константинович Жуков жил в реальном, очень сложном времени, и умненького знания о том, кто и где окажется месяцы спустя, у него не было и не могло быть. А главное – это умненькое знание и не нужно было Жукову для того, чтобы исполнить дело спасения нашей Родины, которое он обязан был исполнить.

Так что отнесемся к аттестации Жуковым Власова с пониманием, как с пониманием должны мы отнестись и к тому, что происходило с Власовым в декабре 1941 – начале 1942 годов.

Цену победам своей армии Власов, очевидно, знал сам. Но ведь понимал и то, что это все-таки были победы. Впервые наши войска брали города, а не сдавали немцам. Психологически это очень важно. Как и другие советские генералы²⁴, Власов наконец-то обретал уверенность в своих силах.

Л.М. Сандалов, нарисовавший сцену появления А.А. Власова в 20-й армии, писал воспоминания²⁵, уже зная, что Власов изменник, и это настраивало его на определенный лад. Отчуждение и плохо скрытая неприязнь, как нам кажется, не из декабря сорок первого года, а из более позднего времени.

Но сохранились и рассказы о Власове той поры. Они существенно отличаются от описания Леонида Михайловича Сандалова.

²⁴ Справа от 20-й армии наступала 16-я армия генерала К. Рокоссовского, слева – 5-я армия генерала Л. Говорова.

²⁵ После войны, будучи начальником штаба Московского военного округа, генерал-полковник Л.М. Сандалов попал в авиакатастрофу и повредил позвоночник. В инвалидной коляске он работал над книгами: «Погорело-Городищенская операция», «Трудные рубежи», «Пережитое», «На Московском направлении», вспоминая дни войны. Отметим попутно, что сам Власов, если судить по его письмам и по показаниям его адъютанта майора Кузина, Сандалова уважал: «Власов, работая в 20-й армии, считался, уважал и хорошо отзывался, как о военном работнике, только о начальнике Штаба армии генерал-майоре Сандалове».

Глава седьмая

Перед штурмом Волоколамска у Власова побывал американский журналист Ларри Лесюер. Лесюера поразила популярность Власова среди бойцов, его оптимизм.

Французская журналистка Эв Кюри встречалась с Власовым уже после взятия Волоколамска. Молодой генерал произвел на нее впечатление крупного стратега. Власов беседовал с Эв Кюри о Наполеоне и Петре I, о Г.В. Гудериане и Шарле де Голле. Эв Кюри написала о Власове, что это один из самых перспективных советских генералов, чья слава быстро растет.

А вот записки о Власове редактора «Красной звезды» Д.И. Ортенберга.

«27.02.42 г. На командном пункте 20-й армии у Лудной горы под Волоколамском. Посидели с Власовым часа два. На истрепанной карте, с красными и синими кружками, овалами и стрелами, он показал путь, который прошла армия от той самой знаменитой Красной Поляны, откуда немец уже собирался обстреливать Москву из тяжелых орудий. Видели мы Власова в общении с бойцами на „передке“ и в тылу с прибывшим пополнением. Говорил он много, грубовато, острил, сыпал прибаутками. Литсотрудник „Красной звезды“ Александр Кривицкий записал: «При всем том часто поглядывал на нас, проверял, какое впечатление производит: артист!». Власов то и дело упоминал имя Суворова, к месту и не к месту. От этого тоже веяло театром, позерством. Кстати, *это заметили не только мы*» (курсив мой. – Н. К.).

«*Не только мы*» – это, вероятно, еще и Илья Григорьевич Эренбург.

Верный своей концепции, что вся мировая история совершается возле него и он должен присутствовать при поворотных моментах в судьбах известных людей, Эренбург смещает в своих воспоминаниях встречу с Власовым на тот мартовский день, когда генералу позвонил Сталин, вызывая его в Ставку за назначением на Волховский фронт.

Однако если не обращать внимания на эту особенность творческой манеры Эренбурга, надо признать, что портрет Власова, созданный Ильей Григорьевичем, – едва ли не самый удачный и точный во всей литературе о Власове.

«Пятого марта 1942 года я поехал на фронт по Волоколамскому шоссе. Впервые я увидел развалины Истры, Новоиерусалимского монастыря... Я поехал через Волоколамск. Возле Лудиной горы в избе помещался КП генерала А.А. Власова.

Он меня изумил прежде всего ростом – метр девяносто, потом манерой разговаривать с бойцами – говорил он образно, порой нарочито грубо и вместе с тем сердечно. У меня было двойное чувство: я любовался, и меня в то же время корбило – было что-то актерское в оборотах речи, интонациях, жестах. Вечером, когда Власов начал длинную беседу со мной, я понял истоки его поведения: часа два он говорил о Суворове, и в моей записной книжке среди другого я отметил: „Говорит о Суворове, как о человеке, с которым прожил годы...“»

О чем Власов мог говорить с Эренбургом?

Конечно, ему хотелось заинтересовать влиятельного журналиста, но вместе с тем ему нужно было показать себя генералом, и он слегка поддразнивал уважаемого Илью Григорьевича.

Как и всякий русский человек, воспитанный в православии, Власов не был антисемитом. Даже оказавшись в Германии, он не отказывался работать в «Вермахт пропаганде» с учеником Николая Ивановича Бухарина евреем Мелетием Зыковым.

И вместе с тем настороженность и насмешливость по отношению к евреям присутствовали в Андрее Андреевиче Власове всегда.

В похожем на донос рапорте бывший адъютант Власова майор И.П. Кузин «осветил» и эту черту характера своего начальника:

«За время моего наблюдения за Власовым в 20-й армии я убедился, что он терпеть не мог евреев. Он употреблял выражение „евреи атаквали военторг“ и т. д., и он форменным образом

разогнал работников военторга по национальности евреев. Власов говорил, что воевать будет кто-либо, а евреи будут писать статьи в газеты и за это получать ордена».

Так что, принимая во внимание и эту черту характера Власова, можно понять, с каким удовольствием поддразнивал Андрей Андреевич Илью Григорьевича.

Тем более что сделать это было нетрудно.

Говорил Власов про Суворова, чье имя вместе с именами других русских полководцев еще только начинало снова вводиться в обиход. Возвращение дорогих русскому сердцу имен, конечно же, не могло не беспокоить наших интернационалистов. Но поскольку исходило оно непосредственно от Сталина, то и возмущаться было страшновато. Вот и вынужден был Илья Григорьевич, как неделю назад Ортенберг, поерзывая, внимать бесконечным байкам о Суворове, которыми пересыпал свой разговор Власов.

Суворов, как известно, чрезвычайно гордился тем, что он русский, и всегда щеголял рускостью.

Однажды он остановил щеголеватого офицера и поинтересовался: давно ли тот изволил получать письма из Парижа?

– Помилуйте, ваше сиятельство! – ответил незадачливый франт. – У меня никого нет в Париже.

– А я-то думал, что вы родом оттуда, – сказал Суворов.

Не менее едко высмеивал Александр Васильевич и сановную глупость, и пустословие.

Вступая в Варшаву, он отдал такой приказ: «У генерала Н. взять позлащенную карету, в которой въедет Суворов в город. Хозяину кареты сидеть насупротив, смотреть вправо и молчать, ибо Суворов будет в размышлении».

Наверняка ввернул Власов в разговор и язвительное замечание Суворова, дескать, жалок тот полководец, который по газетам ведет войну. Есть и другие вещи, что ему надобно знать.

Разумеется, в нашей попытке реконструировать разговор Власова с Эренбургом много гипотетичного, но все же исходные моменты этого разговора вычисляются достаточно точно.

Первые реальные победы, первая всенародная слава или, вернее, предошущение этой славы²⁶, впервые дарованная возможность не стесняться, что ты русский, а гордиться этим, с гордостью называть имена русских героев – все это пьянило Власова. И это упоительное, захлестывающее генерала чувство и заставляло Эренбурга любоваться Власовым, но вместе с тем и коробило его.

Тем более что и актерство, подмеченное Эренбургом, тоже, наверняка, прорывалось в жестах и словах Власова. Ведь он столько лет – всю сознательную жизнь! – старался не выдать «иррационального» пристрастия к русскому типу лица, к русской истории, что сейчас походил на человека только что после долгих лет болезни вставшего с постели. Человек этот идет, но ноги еще не слушаются его, человек, прежде чем ступить, думает, *как* нужно поставить ногу, и от этого все движения чуть карикатурны.

Национальные чувства Власова, пафос его и восторг были глубоко чужды интернационалисту Эренбургу, но само ощущение пробивающихся в человеке потаенных доселе сил – захватывало.

«На следующий день солдаты говорили со мной о генерале, хвалили его: „простой“, „храбрый“, „ранили старшину, он его закутал в свою бурку“, „ругаться мастер“...»

Он был под Киевом, попал в окружение; на беду, простудился, не мог идти, солдаты его вынесли на руках. Он говорил, что после этого на него косились. „Но тут позвонил товарищ Сталин, спросил, как мое здоровье, и сразу все переменялось“. Несколько раз в разговоре он

²⁶ «Представь себе, – писал 15 января 1942 года А.А. Власов своей законной супруге, – я получаю со всех концов необъятного нашего дорогого Отечества посылки на свое имя. Люди, зная меня, только по газетам шлют нам продукты, теплые вещи и вообще крепко заботятся о нас. Вот, например, вчера мне из Пензы рабочие прислали лично: часы ручные и на них надпись мне, теплые вещи и даже яблоки и вино».

возвращался к Сталину. „Товарищ Сталин мне доверил армию. Мы ведь пришли сюда от Красной Поляны – начали чуть ли не с последних домов Москвы, шестьдесят километров отмахали без остановки. Товарищ Сталин меня вызвал, благодарил...“ Многое он критиковал... Говоря о военных операциях, добавлял: „Я солдатам говорю: не хочу вас жалеть, хочу вас сберечь. Это они понимают“.

Мы поехали назад. Машина забуксовала. Стоял сильный мороз. На КП девушка, которую звали Марусей, развела уют: стол был покрыт скатеркой, горела лампа с зеленым абажуром и водка была в графинчике. Мне приготовили постель. До трех часов утра мы говорили, вернее, говорил Власов – рассказывал, рассуждал. Кое-что из его рассказов я записал».

Любопытно, как комментируют этот разговор Власова с Эренбургом современные историки.

«Помнится, где-то в 1946 году замечательный русский писатель Алексей Югов написал об Эренбурге, что тот весь переводной, что он не пишет на русском языке, а переводит с иностранного, что у Эренбурга не русский язык, а кальки с русского языка... – издаека начинает свою мысль генерал Филатов. – За такие слова русского Югова просто затравили потом единовeрцы Ильи. А ведь совершенно прав был Югов в отношении русского языка Эренбурга. *Он двое суток слушал Власова, но так ничего и не понял из того, что ему говорил генерал на чистейшем очень образном русском языке.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.